

18+

Михаил Елизаров

PASTERNAK

Читальня Михаила Елизарова

Михаил Елизаров

Pasternak

«Издательство АСТ»

2002

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Елизаров М. Ю.

Pasternak / М. Ю. Елизаров — «Издательство АСТ»,
2002 — (Читальня Михаила Елизарова)

ISBN 978-5-17-122122-5

Михаил Елизаров — прозаик, музыкант, автор романов «Земля», «Библиотекарь» (премия «Русский Букер») и «Мультки» (шорт-лист премии «Национальный бестселлер»), сборников рассказов «Ногти» (шорт-лист премии Андрея Белого), «Мы вышли покурить на 17 лет» (приз читательского голосования премии «НОС»). Роман «Pasternak» состоит из битв и философских диспутов, его называют интеллектуальным триллером, православным боевиком с элементами Достоевщины и Тарантиновщины. Поэт Пастернак предстаёт здесь гигантским демоном, порождением зла, захватывающим умы русской интеллигенции, а борьба с ним ведётся не словом, но оружием. Содержит нецензурную брань!

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-122122-5

© Елизаров М. Ю., 2002
© Издательство АСТ, 2002

Содержание

Пролог	6
Живаго	6
Часть I. Дед	14
Глава I	14
Глава II	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Михаил Юрьевич Елизаров Pasternak

© Елизаров М.Ю.

© ООО «Издательство АСТ»

Пролог

Живаго

Грохот станков и визгливые полутона циркулярной пилы едва доносились в подвал. Ветхие стеллажи, полные бумаг, заглушали производственный шум.

Пётр Семёнович женским движением расправил складки огромных, почти до плеч, нарукавников, перешитых из спортивных штанов “Adidas”. Белая лилия на правом нарукавнике фосфорно полыхала в бледном свете, проникавшем сквозь маленькое окно под потолком. Стопки бумаг уменьшили оконный проём вчетверо, оставив прорезь в ладонь шириной.

Напротив Пётра Семёновича, отделённый широкой границей стола, возвышался Кулешов. Сумрак одел его до плеч в балахон однородного серого цвета, только голову обрамлял светлый венчик, высвечивающий под волосами макушку лимонного цвета. Стёкла в громоздкой пластмассовой оправе множили усталость его глаз.

– Пётр Семёнович – хуесос! – сказал Кулешов.

– Вадим Анатольевич, ваше вопиющее хамство на сей раз преступило всякие границы, – затараторил со скоростью тараканьих лапок Пётр Семёнович. – Как смеете вы бросать мне в лицо такие чудовищные обвинения, не имея на то ни малейших доказательств! Если не ошибаюсь, хуесосом зовётся человек, который сосёт хуй. Скажите, вы хоть раз заставляли меня за, прошу прощения, но выскажусь в вашей терминологии, сосанием хуя? Отвечайте: заставляли? Нет! Никогда! А высказывал ли я при вас когда-нибудь мои личные пожелания совершить с кем-либо подобный акт? Нет! Может, я подходил к вам с соответствующей литературой, с видеокассетами и в восторженных тонах отзывался об увиденном? Нет и ещё раз нет!

– Вот как вы заговорили, – произнёс Кулешов с перевёрнутой злой улыбкой. – Стоило мне высказать нечто безосновательное, но не просто в воздух, а по вашему адресу – и как же вы взбеленились! Прямо не узнать. Сразу потребовались аргументы. Так почему же вы, милейший, берёте на себя смелость постулировать более чем сомнительные измышления, да ещё вековой свежести?

– И не сравнивайте, – замахал руками Пётр Семёнович, – в моём случае речь идёт о знаниях, возраст которых исчисляется бесконечностью, а в вашей параллели, как в уродливом зеркале, отражается бездуховный лик материалистического невежества.

– Что ж, тогда мы снова возвращаемся на исходные позиции. Пётр Семёнович – хуесос!

– От него и слышу!

Кулешов перевалился через стол и нанёс Петру Семёновичу удар по рёбрам, от которого тот обсыпался, как песчаная постройка.

– Кто здесь хуесос?!

– Хорошо-хорошо, перестаньте! – взвизгнул Пётр Семёнович. – Я скажу, скажу! Ваша взяла, банкуйте! Если это так важно, то, пожалуйста, мне это совершенно ничего не стоит. Извольте. Если вам от этого станет легче, то, ради бога, мне не жалко, чёрт с вами, только отвяжитесь. Я – хуесос! Ну что, полегчало?

Кулешов устало присел:

– От вашего упрямства можно с ума сойти. . .

– Это кто ещё из нас упрямец, Вадим Анатольевич, – потирая бок, усмехнулся Пётр Семёнович.

– Просто вы меня замучили!

– Вы сами себя замучили. Своим нежеланием воспринимать вселенские истины.

– И это говорит человек с высшим образованием!

– Ва-дим А-на-толь-е-вич! Ми-лень-кий! В сотый раз повторяю, что вы утратили дар понимать живые слова!

– Да вы реальность подменяете трупной эзотерикой! – Кулешов разгневанно хлопнул по столу.

– Вот, – Пётр Семёнович многозначительно наострил палец, – вот речь закоренелого представителя эпохи Кали-Юги!

– Вы мне Изидку вашу голожопую бросьте цитировать! Я этот бред эмансипированной барыньки не хуже других знаю! Читал-с! – Он вскочил с места. – А самое противное, что вы сами во всё это не верите. Грош цена вашим убеждениям, если мне стоит чуть надавить, и вы с буддистским спокойствием от них трижды отрекаетесь.

– Не скажи-и-ите, – протянул Пётр Семёнович, – в наших прениях дух мой крепнет час от часу. Вы же не станете отрицать, что в последний раз я довольно-таки долго продержался. Поэтому я даже благословляю то маленькое насилие, которому вы меня подвергли.

– Да при чём здесь это! Я диву даюсь, сколько раз зарекался с вами связываться, а вы всё равно раскручиваете меня на очередной бессмысленный диспут.

– Значит, не всё потеряно, мой дорогой, и ваше сердце ещё способно на мгновение заглушить животный рассудок, презренный интеллект. Ваше высшее “Я” нуждается в этих беседах, задыхаясь от духовной жажды, оно требует нескольких капель истины!

Кулешов судорожно моргнул.

– Хорошо, давайте абстрагируемся от ваших теософских представлений. Я не буду пытаться здесь подвергать критике доктрину кармы, равно как и вставить грудь на защиту Евангельского возвещения. Мы пойдём самым корректным путём сугубо исторического аспекта.

– Давайте, мой хороший, давайте... – оглаживая тело, сказал Пётр Семёнович.

– Ну как с вами можно общаться, когда у вас на лице уже появилась эта идиотская скептическая улыбочка?! Говорите, мол, Вадим Анатольевич, свои благоглупости, я всё равно остаюсь при своём мнении. Так? Я прав, да?! Кивает и лыбится как параша! Что ты киваешь, скотина? Так что ли, блядь тибетская?! Так что ли, лемуриец хуев?!

– Юпитер, ты сердисься – значит, ты не прав, – Пётр Семёнович добродушно улыбнулся.

– Ах ты, пидор! – задохнулся бешенством Кулешов.

Пётр Семёнович послушно согнулся от удара:

– Вы не умеете спорить, Вадим Анатольевич!

– В споре с пидарасами истина не рождается, а умирает! – крикнул Кулешов, отвечивая бессильные оплеухи. – Эти идеи Платон сожрал и высрал! Блаватская его говно сожрала и снова высрала! Рерихи двойным говном обмазались! А ты, низший разум, их облизываешь! Отвечай, хуесос, облизываешь?!

– Облизываю! – с готовностью согласился Пётр Семёнович, опасливо пятясь от Кулешова. – Ибо животную душу нельзя будить ничем иным, кроме страданий. Единственный способ выдержать муки – это возвыситься над ними, перенести точку опоры с тела, которое страдает, на дух. Мучающийся человек становится более духовным.

– Поразительно, – оглушённо рассуждал Кулешов, – как за каких-нибудь несчастных десять лет деградировали образы, питающие все истерические пандемии обществ. Кажется, ещё вчера предметом коллективных помешательств были проблемы атомной энергии, ядерной физики, лазера, электроники, космоса, пришельцев. Человек был индуцирован наукой, а не мещанским вуду-коктейлем из каббалистики, ламаизма и изнасилованного христианства!

– Это прекрасно, что вы сами упомянули о пришельцах, – оживился Пётр Семёнович. – Именно инопланетные существа стали нашей божественной частью, бессмертной душой. Этих старших братьев по разуму, рождённых на более развитой планете, мы называем Махатмами или Великими Учителями.

- Не смейте извращать мои слова в угоду вашему ущемлённому слабоумию!
- Блаженные духом ближе к Богу, чем те, кто сделал интеллект высшей целью.
- Нет, любезный, это не про вас писано! Вы не блаженны, вы – мерзавец!
- Как ужасна ваша участь, – ненатурально вздохнул Пётр Семёнович. – Оборвав связь с внутренним Христом, с вашей бессмертной душой, вы воплотитесь на Земле, быть может, два или три раза – и исчезнете навсегда, пережив кошмар окончательного разложения!
- Ах ты, буддист кришноебучий! – Кулешов пнул Петра Семёновича в мягкий, будто набитый тряпками живот. – Христианство – не полигон для оккультно-кармических испытаний. Понятно, сука?!
- В общих чертах, – Пётр Семёнович выдул на губах жабы пузыри, облизнулся.
- Просочились, как тараканы, во все щели! Нравственные ориентиры! Духовные идеалы! Хочешь, малюй свои горы, а дальше не лезь!
- Чем вам живопись не угодила?
- Да разве я о картинках? Я говорю о теософии вашей индо-рязанской!
- Но согласитесь, что нравственные законы, предложенные Иисусом, во многом напоминают буддийские.
- Просто вы заиклены на эзотерической трактовке христианской символики и текстов! Разумеется, сторонники теософии горазды утверждать, что, несмотря на все разномыслия традиционных религиозных мировоззрений, на уровне глубинном они раскрывают единую истину. Только при ближайшем рассмотрении, милейший, выясняется, что созданные мифы с исторической реальностью не сочетаются!
- А куда же деть тот очевидный факт, – Пётр Семёнович сверкнул победным глазом, – что Кришна, Будда и Христос – это души с одной биографией, триединое, так сказать, пламя вечности, а?
- А вот если я тебе по ебалу сейчас съезжу, будешь апеллировать к триединому пламени? – в голосе Кулешова загудели близкие громы.
- Не так-то просто запугать меня, Вадим Анатольевич! – он запоздало попятился.
- Смотри, как заговорил, пидор гималайский! – прямой удар в лицо свалил шаткого Петра Семёновича с ног. – Не претендуй, сука, на христианство, не претендуй на науку!
- Пётр Семёнович утёрся нарукавником:
- И в мыслях не было!
- А я не верю! – крикнул Кулешов.
- Как обидно... Почему? В большинстве пунктов я с вами полностью согласен, но есть фрагменты, требующие дополнительного разъяснения. Это же нормально, естественно!
- Что вам ещё не понятно?! Я устал повторять: христианство не нуждается для своего понимания в оккультной трактовке. Да, двести лет назад в розенкрейцерских и прочих масонских шарашках муссировались идеи пантеизма, посмертных воплощений, кармы, но в настоящее время превозносить новобуддийское шаманство, по меньшей мере, дико! Вот и вся моя философия!
- Это понятно, – примирительно сказал Пётр Семёнович. – С этим никто не собирается спорить.
- Тогда что ещё?! Что ещё не понятно, отвечайте, чёрт вас раздери!
- Меня волнует исключительно технический аспект. Вам как инженеру это должно быть близко. Когда вслед за физической истают астральная и ментальная плоть, все высшие накопления вознесут наше сознание к истинно бессмертному “Я”. Вам это несложно представить, ибо вознесение напоминает работу ракетного многоступенчатого двигателя...
- Что вы мне нервы трепете! Что вы повадились сюда?! Дьявол какой-то! Вы мне работать не даёте, у меня от вас инфаркт будет!

– Просто на миг вообразите, – страстно продолжал Пётр Семёнович, – вы живёте одновременно во многих мирах, из которых наш, материальный, – самый примитивный и низкий. Ведь что такое Рай? Это не фруктовый сад и прогулки с арфами, а огненный мир напряжённой мыслительной работы. Творческие возможности не имеют преград, и нет такой задачи, которую нельзя было бы решить. Разумеется, чем меньше было накоплено прекрасных возвышенных мыслей, тем меньше пробудет человек в огненном мире перед новым воплощением.

– А если из всех мыслей, накопленных за жизнь, была одна, про жопу, – спросил Кулешов с усталым издевательством, – то сразу про неё всё поймёшь и на Землю вернёшься?!

– Совершенно верно! Поэтому даже если мы сомневаемся, что вся наша жизнь – это движение по бесконечной спирали эволюции, дающее нам с каждым новым рождением неоценимую возможность изживать недостатки животной природы, становиться чуточку мудрее, лучше, чтобы к концу вселенской манвантары из человека вновь претвориться в космический разум, которым мы были когда-то, прежде чем воплотились на планете Земля...

Кулешов глубоко дышал.

Пётр Семёнович вскинул руки:

– Разве не проще допустить, что всё это правда, и вести себя лучше, чем упрямо отрицать, а потом очень страдать? Вадим Анатольевич! Ну скажите!

– Проваливайте отсюда к ёбаной матери! Слышите?! К ёбаной матери!!! – голос Кулешова поднялся до милицейской трели, обрывая сердце.

– Вадим Анатольевич, дорогой вы мой человек! – Пётр Семёнович всплеснул руками, кинулся за водой. – Нельзя же так! Что вы с собой делаете? Вы же планомерно губите себя. Я понимаю вас больше других. Сам когда-то часто раздражался, ел мясо, пил водку. Проявите чуточку терпимости, понимания, жалости. Наконец, элементарного сострадания. Умение выслушать другого человека – это ли не то искомое общерелигиозное чудо, которого нам так не хватает в жизненной суете?

– Вы же слова не даёте вставить! – Кулешов отпил из стакана, продолжая удерживать под пиджаком скачущее сердце.

– Буду нем, как рыба, – Пётр Семёнович покрутил перед губами, изображая замочек.

– Вот и прекрасно, вот и послушайте. Начнём ещё раз, без взаимных оскорблений, – Кулешов достал из внутреннего кармана упаковку с валидолом, заложил таблетку под язык.

– Слава богу, давно пора, – обмолвился Пётр Семёнович, спохватился и, улыбаясь, повесил на губы второй невидимый замок.

– Я уже говорил, – сказал Кулешов, шепелявя таблеткой, – ваше заблуждение сформировалось на фоне своеобразной параноидальной реакции, которая происходит, как правило, в пределах одной лингвоэтнической, а в нашем случае – квазиклассовой структуры. Новые политические веяния, критическая социальная обстановка выполняют роль катализатора. Вы не станете отрицать, что большая часть так называемой интеллигенции склонна к интеллектуальному и духовному сектантству, эдакому благожелательному мракобесию, чрезвычайно разрушительному по своей природе.

Пётр Семёнович понимающе кивнул:

– В тёмной эпохе человечество наиболее несовершенно, а потому невежественно. Скрытое присутствие богов наполняет пространство и всё, что в нём живёт, высочайшим космическим электричеством. Человеческое существо, не имеющее в себе высокодуховных вибраций, разрушается.

– Что за ёб твою мать! – сплюнул таблетку Кулешов.

– А что я такого сказал?

– Я тебя, пидараса, сейчас избавлю от невежества! И от вибраций тоже избавлю! Ты у меня враз просветлеешь, Порфирий Иванов моржовый!

– Лучше воздержимся от комментариев, Вадим Анатольевич, – сказал Пётр Семёнович, ловко подставляя под удар свой мягкий бок, – воздержимся и не будем осквернять очередной грубостью светлую память праведника!

– Мессия в семейных трусах! – отчаянно крикнул Кулешов.

– Во-первых, мессию не встречают по одежке. Неважно, в чём он придёт: в трусах, набедренной повязке или в двубортном костюме. Во-вторых, перечитайте Андреева! Блока! Бердяева! Или Пастернака!

– Не собираюсь я ничего перечитывать!

– Мне вас искренне жаль, Вадим Анатольевич! Как обездолен человек, сознательно лишивший себя возможности ежедневно причащаться сокровищницы русских исполинов духа!

– Последователей ваших исполинов, Пётр Семёнович, в тюрьме петушарили бы, а они только бы вслух стишки декламировали или брызжали недовольно: мол, ва-а-арвары, смажьте хуй вазелином! И в этом весь ваш духовный универсум!

– Ещё посмотрим, Вадим Анатольевич, кто первый вазелину попросит!

О, знал бы я, что так бывает,
Когда пускался на дебют,
Что строчки с кровью – убивают,
Нахлынут горлом и убьют!

– Ах ты, пизда декадентская! – Кулешов, беспомощно загребая руками, упал на спину. Лёжа на полу, он силился достать из кармана упаковку с таблетками. Лицо его побагровело от сердечного удушья, из прокушенного при падении языка струилась тёмная кровь.

Пётр Семёнович огляделся. Страшная улыбка озарила его рот:

– Мы победили, Борис Леонидович! Мы победили!

Ничто в нём больше не напоминало поруганного интеллигента. Облик его исполнился каким-то древним торжеством, как у демона на средневековой гравюре.

Со стороны стеллажей внезапно подул ветер, усиливающийся с каждым мгновением. Шелест колеблемых страниц перерос в многотысячный шёпот. Ветер выдувал с полок вороха бумаг, но они не разлетались, а сбивались в нечто целое, повторяющее очертания невероятного конского черепа. В темноте распахнулись перепончатые крылья, покрытые неряшливым письмом, будто их сшили из пергаментных черновики.

Поверженный Кулешов с неподвижным ужасом видел, как Пётр Семёнович простёр к существу руки, будто попросился в объятия. Крылья с громовым раскатом сомкнулись вокруг него, как если бы захлопнулась раскрытая посередине книга, потом снова распахнулись – и Петра Семёновича больше не было. Удар расплющил его. Оттиск Петра Семёновича оказался впечатанным в большую многосюжетную гравюру на огромном крыле существа. Он был облачён теперь в выпуклые латы и стоял в окружении усатых драконов и грифонов. Внутренний ветер на гравюре колебал штандарт с лилией. Черты Петра Семёновича, искажённые китайским лукавством, были смертельно костисты, но легко узнаваемы. Фигурка повернула голову и живым взглядом уставилась на Кулешова.

Стёкла на очках Кулешова затуманились предсмертной испариной, он вытянулся, коченея. Через минуту в помещении, кроме бездыханного тела и разбросанных по полу бумаг, ничего не было.

Послышались деликатные постукивания: “Вадим Анатольевич, вы свободны? У нас тут вопрос возник. Накладочка вышла с ГОСТами на электропечи”, – дважды кивнула носатая дверная ручка.

Вошедший, ослеплённый подвальным сумраком, не заметил распростёртого тела. Уткнувшись лицом в папку, он водил пальцем по производственным чертежам на мутной перламутровой кальке.

– Расхождения в номинальной и допустимой норме, а в графе фактической нормы данные просто отсутствуют. Смотрим пункт пятнадцать: габаритные размеры указаны, пункт шестнадцать: “Мощность холостого хода в киловаттах, не более двадцати двух...” – это не то. Вот: “Производительность при цикле термообработки в пять часов...” – сделав шаг, он неожиданно наступил на безжизненную крысиную мягкость мёртвой руки.

Вместе с совиным возгласом упала папка, призраками разлетелись чертежи. Вошедший опустился на четвереньки, приподнял сжатую в кулак руку Вадима Анатольевича и уронил её. Рука ударилась об пол, и глубокий колокольный звон разлился по кабинету. Он снова подхватил руку, с силой бросил в пол, ответивший необъяснимым бронзовым гулом, и так двенадцать раз.

На последнем ударе нечто, лишённое чётких очертаний, отделилось крылатой глыбой от стены, и мрак выложил к мёртвому телу ступени.

Человек бросился в длинный, плохо освещённый тамбур с лязгающим металлическим покрытием. Подгоняемый страхом, он, наконец, окунулся в спасительный грохот станков. Солнце, в изобилии проникающее сквозь закопчённые витражи цеха, сразу же растопило наваждение за его спиной. Он крикнул: “Вадим Анатольевич умер!” – и в обмороке повис на проходящем мимо рабочем.

Работа в цеху медленно останавливалась, как теряющий обороты пропеллер. Кто-то побежал с запоздалым поручением вызывать “скорую помощь”. Производственный гул сменил утрамбованный гомон. Люди по одному подходили к тамбуру, напоминающему подсвеченную глубокую нору, и замирали у входа, не решаясь зайти.

– Неизвестно откуда взялся.

– Представлялся, что из планового отдела.

– Хитрый такой, лукавый, всё на улыбочке. Поинтересуется: “У себя Вадим Анатольевич?” – и шасть к нему. Час посидит, потом выходит и облизывается, упырь!..

– Уйдёт, а Вадим-то наш, Анатольевич, таблетки одну за другой, как птичка, склёвывает. Воды ему в стакане принесу, он выпьет, успокоится вроде. Я говорю ему: “Доконает вас этот плановик!” – а он вздохнёт, головой покачает: “Нет, очень у нас полезная беседа была”, – а сам всё сердце кругами поглаживает.

– Так и было. Вадим Анатольевич эти посещения ещё карамазовскими называл. Только не плановик приходил, а снабженец. Наши его в отделе снабжения встречали и на складе. Снабженец он, точно.

– Или технолог.

– Может, и технолог, а повадки бухгалтерские. Увесистый, да юркий. Смотришь, в глазах близорукость плавает, как самогон мутная, и на самом дне подлость.

– И кого ни спроси, вроде видели его везде, а никто толком не знает, что за человек.

– Помню, раз выбежал Вадим Анатольевич за чёртом этим, как закричит: “Даже на порог не смейте появляться!” – а тот через день опять, да ещё с нужными бумажками. И не выставишь. Вадим Анатольевич, может, и прогнал бы его, так начальство позвонило, пришлось принять.

– Я однажды послушать хотел, о чём таком важном они говорят, прильнул к двери, а там неживая тишина. Целый час слушал – ни звука.

– Точно, Вадим Анатольевич смерть свою чувствовал. Совсем беспокойный сделался, всё ходил, сатану этого высматривал. Бывало, подойдёт ко мне и туманно так спросит: “А Пётр Семёнович случайно не появлялся? Как появится, скажите, что я у себя...”

– В последние денёчки особенно его поджидал. Я, грешным делом, подумал, что приятелями они сделались. Этот даже шахматную доску с собой приносил, подмигивал так с пониманием.

– Сегодня тоже наведалься, а только никто не видел, как он ушёл, будто растворился...

Приехала “скорая”. Доктор и два санитаря с охотничьей прытью фокстерьеров кинулись в тамбур. Вскоре показались носилки с накрытым простыней телом.

Низкий, на уровне колен, ветер мёл по асфальту городской мусор. Резкие порывы, вздымавшие волнами простыню на покойнике, завернули её в двух местах, открывая с одной стороны чёрный ботинок, а с другой – лицо с закушенным языком. Санитары задвинули носилки в машину, влезли за ними следом, доктор сел в кабину, и “скорая” без sireны тронулась.

Плексигласовую перегородку между кузовом и кабиной украшали бородатые иконы и картинки по мотивам “Бхагават-гиты”. В центре располагались два коллажа: синий многорукий Христос держал трезубец, барабан, дубинку с черепом, лук, сеть и антилопу; другой коллаж интерпретировал библейский сюжет “Тайная вечеря” – Шива, Брахма и Вишну вкушали хлеб в окружении двенадцати апостолов.

Санитары уселись по разные стороны от тела, а доктор, отодвинув перегородку, просунул в окошко голову.

– Ну, досказывай, Петруша, свою мысль.

– Пожалуйста. – Санитар наморщил юный лоб. – По окончании астральных мытарств, хотя, по сути, никаких мытарств нет, а есть кармические иллюзии, низменные энергетические отбросы недавней личности формируют оболочку, горящую в аду своих пороков.

– Так, – с весёлым любопытством сказал доктор.

– Эта оболочка цепко хранит память о земной жизни и для прекращения мук страстно желает заново воплотиться. И одно дело, когда астральное существо умершего вселяется в живое тело и удовлетворяется пороками нового хозяина.

– Так.

– И совершенно другое – Христос, явившийся людям. Он также был лишь частью себя, астральным двойником, воплощённым в человеческие контуры, то есть низшим аспектом своей истинной сущности.

– С этим я не согласен, – вмешался второй санитар. – Понятие “Христос” не подразумевает человека или Бога. Оно, скорее, антропоморфный символ, соединивший в себе пределы духовного развития. Иисус же есть эманация Христа, как бодхисатва – эманация Будды, некое нирваническое божество, помогающее людям вырваться из сетей дьявола. Во множестве миров имеется неисчислимое количество Христов.

Доктор образованно улыбнулся:

– А как быть с христианским догматом о Троице, утверждающим, что сущность Бога едина, а бытие – суть личностное отношение трёх ипостасей: Отец – безначальное бытие, Сын – оформляющая энергия смысла, Святой Дух – жизненная целостность?

– Просто христианство в такой форме подразумевает состояние Будды: абсолютное, идеальное и конкретное, – нашёл первый санитар.

– Вы на опасном пути, друзья мои, – сказал доктор, ласково поглядывая на обоих. – Кто отвергает все таинства Церкви и благодатное в них действие Святаго Духа, отрицает Господа Иисуса Христа – Богочеловека, Искупителя и Спасителя мира, пострадавшего нашего ради спасения и воскресшего из мёртвых, тот, – доктор возвысил голос, – отвергает во Святой Троице славимого Создателя и Промыслителя Вселенной, Личнаго Бога Живаго.

Из горла трупа неожиданно отошли чёрно-красные сгустки слизи. Эта посмертная субстанция окрасила бледные губы в насыщенные клоунские тона, стекла по подбородку, образуя на лице Кулешова подобие сардонической гримасы. Санитары вздрогнули.

– Это случается, – сказал доктор. – Прикройте ему лицо.

На простыне, в том месте, под которым находился окровавленный рот покойного, медленно проступил абрис чёрного иероглифа.

Доктор посмотрел на таинственный значок и вдруг с удивлением понял, что прочёл его.

– Это означает “живой Доктор”, – сказал он остатками собственной личности. Потом он перестал быть собой.

Часть I. Дед

Глава I

«Улыбок тебе, дед Мокар...»

Есть такая дальняя запущенная деревня, дворов на тридцать, – Свидловка зовётся, в Лебединском районе. Там дедушка с бабушкой живут. А Вася, или как его родители называют – Василёк, на летние каникулы к ним приезжает.

В деревне всё не как в городе. Одноэтажная она, бревенчатая, с резными петушками на крышах. В домах печи, которые топят дровами.

Люди на городских совсем не похожи. Лица открытые, приветливые. Идёшь, и каждый с тобой поздоровается. Даже говорят по-другому, напевно как-то. Одеваются просто, а всё равно выглядит красиво, будто народный хор в вышитых сорочках по деревне разбрёлся.

И, конечно, природа иная. Лес настоящий, со зверями всякими, как из сказки. Река неподалёку – рыбы в ней видимо-невидимо. Воздух особенный, целебный. Поэтому и привозят Василька, чтобы он три месяца свежее коровье молоко пил, сил набирался.

Особенно Василёк дедушку любит. Бабушку, конечно, тоже любит. Но с ней не так интересно. Дедушку Мокаром зовут. Через “о” пишется. Так правильно – Мокар. Старинное русское имя, неверно переименованное в Макара. Когда Василёк родился, родители тоже собирались его Мокаром назвать, в честь деда, а им в городе сказали, что нет такого имени, предложили записать в документах Макаром, родители не захотели и назвали в честь прадеда – Василием. В принципе, Василий тоже красиво звучит.

Дедушка был героем, он воевал, у него пять орденов, а медалей вообще не сосчитать. В основном золотые и все разные такие. Очень Васильку они нравились. А те, которые простые, железные, – их две. И к тому же некрасивые.

Василёк, когда первый класс окончил, привёз свой табель с пятёрками. И очень на подарок рассчитывал. Орден, конечно, просить – жирно было бы, – это Василёк понимал сам. Его заслужить надо. А медальку одну – наверное, можно. Он уже выбрал себе золотую, с красной звездой. Догадывался, что она, наверное, самая ценная, и дедушка такую не подарит, а отделается какой-нибудь завалящей, серенькой, из железа. Заранее обижался. Но всё равно решился, попросил.

Дедушка в усы улыбнулся, вынес коробку, где все медали лежали, и полную золотую горсть насыпал – не жалко. Василёк просто сомлел от счастья. И желанная медалька со звездой тоже досталась. Заглянул в коробку – там только ордена и железные медали, которые самые никудышные.

Василёк на радостях и за железными было полез – если уж лучшие отдали, некрасивые-то вообще к чему? А Васильку пригодятся, выменяет на них что-нибудь полезное.

Дедушка по руке – хлоп.

– Нет, – говорит, – эти медали я тебе подарить не могу. Они для меня самые дорогие. Вот поди и пойми его. В недоумении стоит Василёк.

Дедушка опять усмехнулся.

– Ты уже большой, – поясняет, – прочти, что на медалях написано.

Это Васильку – раз плюнуть. Даром, что ли, пятёрка по чтению? Прочёл. На первой медали: “За отвагу” – красными буквами. На второй, что поменьше: “За боевые заслуги”.

– Правильно, – говорит дедушка, – эту вот медаль я в сорок первом году получил, в августе. Армия наша проигрывала, и награды нечасто давали. Поэтому медаль ценная такая.

Видишь, у меня тут орден Славы лежит, – достал звезду с кремлёвской башней посередине, – первой степени. Важный орден. Я его в сорок пятом получил. Генерала немецкого в плен взял. Как по мне – так я ничего героического не сделал. А медаль не просто мне досталась. Ведь как было в сорок первом – полк отступает, а взвод остаётся и отступление прикрывает. Так и нас оставили – двадцать шесть человек. И приказ – ни шагу назад! Больше сотни фашистов мы положили. Восемь танков подожгли. Из всего взвода я один в живых остался. Потом повезло мне, подобрала меня другая отступающая часть. Майор один – Перепелов фамилия – лично меня к медали “За боевые заслуги” представил. А в декабре я “За отвагу” получил. Роту в атаку поднял, тяжело ранен был. – Дедушка помолчал, улыбнулся. – А всё это, – бородой указал на Васильково сокровище, – самоварное золото – ничего не стоит. Юбилейные висюльки. – И железную медаль бережно в шкатулку положил.

Дедушка – силы необычайной. Папа с ним ни в какое сравнение не идёт. Василёк приехал, восемь лет уже, совсем большой, а дед на ладонь его посадил и легко поднял, как пушинку. Да что Василька – дедушка и коня поднять может. Плечо животине под брюхо подставит и над землёй приподнимет.

Уважают старого не только за силу. Он всю жизнь в кузнице проработал. И охотник замечательный, и знахарь. Коров лечит, лошадей. Идёт по лесу – широкий, крупной кости, волосы седые развеваются, усы густые, длинная борода, кустистые брови, и лицо такое доброе, светлое – дедушка!

Взял однажды и внука с собой на охоту. Одна беда, неважная охота с Васильком получается. Животных ему всех подряд жалко. В этого не стреляй, в того не стреляй. Какая же тогда охота, спрашивается?

Василёк насупленный шагает. Он по телевизору передачу “В мире животных” смотрел. Там говорили, животных убивать – зло.

Дед остановился:

– Давай, Васька, разберёмся. Возьмём, к примеру, твой любимый мультфильм про волка и зайца. Для охотника одинаково хорошо, что волка подстрелить, что зайца. А зайцу? И охотник, и волк – беда. Но охотник-то и за волком бегаёт. Значит, иногда для зайца охотник – благо. А если охотник убьёт вместо волка лисицу – то и волку, и зайцу хорошо. И когда охотник плохой – всем зверям хорошо. И зайцу, и волку, и лисице. Или съест волк больного зайца – волку сытно и всем остальным зайцам проще, нет среди них слабосильных. И людям неплохо – здоровые зайцы в лесу останутся. Поэтому охота – всегда благо. А по телевизору говорили о людях, которые просто от жадности зверя убивают. Тогда это называется не охота, а браконьерство.

И о чём только дедушка не рассказывает! Ну кто из Васиного класса знает, что грачи пятого марта прилетают, а к двадцатому числу щука на реке лёд хвостом пробивает, что десятого апреля пробуждаются сверчки, двенадцатого – медведь из берлоги выходит? Народные приметы.

А советов жизненных сколько! Нельзя показывать на молнию пальцем, а раз показал, то надо палец зубами прикусить. Если руки всполоснёшь водой, в которой яйца из-под чёрной курицы варил, то руки отсохнут, как у дяди Петра, что через два дома от дедушки живёт. Когда в деревне покойник, лучше капусту не квасить – горькая будет.

Василёк покойников побаивается. Давно, несколько лет назад, в городе этажом ниже старуха умерла. Папа в командировке был, а маму помочь попросили. Она не взяла бы Василька с собой, но он дома один тоже не хотел оставаться. И соседки сказали, возьми, пусть привыкает к жизни.

Спустился. Чужая квартира пахла тухлой сладостью. Заглянул в комнату, увидел гроб на столе. Над гробом жёлтым носом возвышалась старуха. Василёк недоумевал. Чего здесь страшного – просто уснула. Поволок стул, чтобы взглянуть сверху.

Не успел, в дверь позвонили. Вошёл бородатый дядька, мама шёпотом сказала – священник, весь в чёрном, принёс запахи, от которых и тухлость, и сладость совсем дурманящими сделались.

Соседки бросились к столу, и Васильку показалось, что сейчас они примутся жрать мёртвую, как холодец из корыта. Вокруг гроба зажгли свечи. Был ясный день и, чтобы именинные огоньки виднее пламенели, шторы задёрнули. Сделалось в комнате сумеречно. Священник что-то нараспев бормотать начал, соседки от этих слов заплакали, и Васильку тоже стало страшно. Потом гроб со старухой закрыли, снесли вниз, в автобус задвинули и повезли за город, на кладбище. Там испугался ещё больше – земля за оградой будто ошетижилась крестами.

Прошли между могилами к вырытой яме. Под нестройный плач гроб на верёвках опустили, два работника быстро закидали землёй и воткнули в могилу железный крест с табличкой. Шаткий, он сразу накренился, будто хотел спрятавшегося за женщин Василька получше разглядеть.

– Не бойся его, – улыбнулся чёрный священник, показывая на крест, – он символ вечной жизни.

Конечно, Василёк не поверил. Как может крест нести жизнь, если под ним только покойники и лежат!

Дедушка священников недолюбливает. Особенно тех, которые церкви свои в катакомбах прячут, – подвальники. Живут под землёй, как крысы. А те, что в лесу, – то лесные. Хуже зверей. И над заграничными попами дедушка смеётся – евон-глисты и баб-тиски! Стыдные названия. Он много чего про них объяснил, такое, что в школе на уроках не рассказывали.

Сотни лет морочат людям головы своими сказками, а они, сказки эти, злые, страшные, все про смерть и ад, где людей, что слушать их не хотели, в огне вечно жгут.

Есть ещё, правда, и Рай, куда угождавшие священникам люди попадают. Уж как они Рай свой расписывают!

– Всегда тепло, растут кипарисы и виноград, на них попугаи райские выпевают песни, пища – одни фрукты, а ангелы с архангелами веселят души праведных, анекдоты свои божественные рассказывают, – смеётся дедушка.

В Рай такой совершенно не хочется. Просто очень уж Крым напоминает. Побывал там однажды Василёк. Две недели в доме отдыха. Не понравилось ужасно. Жарища, песок, растут всюду какие-то ёлки, вода в море солёная. В столовой еда по графику, и невкусная. От фруктов понос. Вечером после ужина – развлекательная программа. Таскали насильно родители туда Василька. Сначала дядька на сцене отдыхающих веселил, пел под баян, потом, как стемнело, скучный фильм показывали. Еле дождался, когда к дедушке в деревню отвезут – от Крыма отдохнуть.

Это что, в Рай просто так и не попадёшь. Ранние попы говорили, что Рай окружён огненной рекой, плавают по ней ангелы на кораблях и всех грешников, что брода ищут, в реке топят. А потом говорили, что Рай над облаками.

Никакого на самом деле там Рая нет. И ада подземного тоже нет. Злые выдумки. Часть попы сами придумали, а остальное взяли из колдовства пустынных людей – жидов.

Василёк на каникулы приехал, а через несколько дней в соседней деревне председатель лесхоза умер. Он с дедушкой когда-то вместе воевал. Дедушка на похороны собрался, предложил с собой и Василька взять, а тому сознаться стыдно, что мёртвых боится. Ничего не сказал. Пошли. Дорога близкая, если полями идти, меньше часа будет.

Поначалу Василёк бодрился, на кузнечиков всюю охотился, а как село увидел, оробел. Дедушка остановился и спросил:

– Чего ты испугался, Васька?

– Покойника, – тихо ответил.

– Покойника, это как? – задал неожиданный вопрос дедушка.

И не знает Василёк, что сказать.

– Ну, лежит такой, с закрытыми глазами и не шевелится.

– Это ты мне спящего человека расписываешь. Ты про мёртвого давай говори.

Совсем запутался Василёк, молчит.

Дедушка погладил по голове:

– Умерший – то же самое, что и уснувший. Помнишь, мы с тобой с рыбалки вернулись и бабушка нам сказала: “Рыба у вас уже уснула”. Понимаешь, о чём я? Уснула, а не умерла. Так и человек, и всё остальное не умирает, а засыпает до смерти.

За разговором и поле кончилось. Раскинулось село. У председателя дом издали видно, высокий, бревенчатый, вокруг дома плетень, вьюном поросший, горшки на нём висят, сушатся, и петух важно выхаживает. Двор просторный, куры мечутся, пёс из будки приветливо твякнул, хвостом завилал – знает дедушку.

Навстречу вышла пожилая женщина, Васильку улыбнулась.

– Ты, верно, Вася, а меня бабой Анисьей звать. Будем знакомы.

Отдельно кивнула деду:

– Улыбок тебе, Мокар Васильевич. Проходи, мой-то Стёпа, поди, заждался тебя. Иди, проведай его, он отдохнуть прилёт. Вот, Мокар, надоело, сказывает, ему в старой хате жить, в новую переселиться хочет!

Вошли в дом. Людей много, молодые, старые. Не плачут, свечей не жгут, говорят громко, смеются даже. Слова “смерть” и “похороны” – не произносят. Василёк по сторонам смотрит, примечает, где покойник. Увидел.

Дедушка со всеми поздоровался, к лавке подошёл, хлопнул лежащего на лавке покойника по плечу:

– Ну, здорово, Стёпан, как живёшь-поживаешь? Я к тебе пришёл помочь новую хату выстроить.

Баба Анисья Васильку рукой поманила:

– Идём со мной, – достала из фартука леденец на палочке. В другую комнату отвела, к своим внукам посадила: “Поиграйте”, – а сама шить принялась.

Но разве усидишь на месте, когда такое! Похороны оказались непростым делом. Умершего надо настоящим покойником сделать. Наперво одежду живых людей с него снять и тело обмыть, чтобы всё человеческое от него отлипло. Всё это баба Анисья пояснила. И ещё сказала, что живым людям купаться нужно всегда с особой осторожностью. Недоглядишь, и дух из тела вымоешь. Так бывает, войдёт в баню человек, а через час другим выходит, вроде как пустым наполовину, а то и вовсе на полке лежать останется – помер от пустоты, вытек дух вместе с водою. Но это баба Анисья пошутила.

Вынесли голого деда Стёпана на двор, в кадку поставили, как дерево, ополоснули из ведра, намылили, ещё раз ополоснули, насухо вытерли и снова в дом занесли, а всё, что от мытья осталось – мыла кусок, полотенце, – в мешочек собрали.

– Зачем? – спрашивает Василёк.

Баба Анисья опять пришла на помощь. Всё, что после обмывания остаётся, на лекарство домашнему скоту идёт. А вот воду из-под покойника надо в отдельную канаву сливать. Раздельной она зовётся потому, что вода по ней из нашего мира прямо к мёртвым утекает, – так в старину говаривали.

Положили покойника на лавку, а шитьё у бабы Анисьи уже готово. Обмытого надо в одежду мёртвых обрядить. Шьётся она по-особому, без узлов, иголкой от себя и левой рукой, иначе покойник будет по ночам приходиться и уводить с собой людей, у которых так же сшита одежда.

Василёк не заметил, как стемнело. Думал, домой, к бабушке пойдут. Выяснилось – нет, остаются на покойницкую вечерницу. По народной традиции надо целую ночь возле умершего провести, чтобы ему не скучно было.

Это не страшно совсем. Даже наоборот, весело. Народу много. Всюду свет горит. Телевизор включили. Едят, выпивают. Покойника не забывают, тоже рюмку наливают, затеяли в “дурачки” играть, сдали и ему, только кто-нибудь карты за него открывает. Потом анекдоты рассказывать стали. Разные. Про чукчу, про француза, американца и русского. Про зайку было очень смешно.

Приходит зайка в булочную и говорит: “Дайте п-пожалуйста, б-батон и п-половинку с-серого х-х-х-х... хуй с н-ним, ещё один б-батон!”

Песни фронтовые запели. Василёк тоже спел, что в школе на уроке музыки разучивали: “То берёзка, то рябина, куст ракиты над рекой...” Ему все похлопали.

Устал. Начал носом поклёвывать, баба Анисья спать его отвела. Проснулся – солнце вовсю в небе палит. Выбежал на двор. Похороны своим чередом идут, без чёрного священника и тесного гроба.

Дедушка говорит, гроб и могилу попы нарочно придумали, чтобы человека смертью испугать. Надо не закапывать, а погребальный дом строить – просторный, с окнами, с высоким потолком, дверями, всё необходимое в нём оставить. Между жизнью и смертью нет чёткого перехода. Сначала хоронят как бы временно, давая покойнику возможность передумать. Поэтому и могила должна быть на земле. В такой и смерть не страшная, и родня не скучает – легко в новом доме навещать умершего. С ним и общаются, порой там ночуют, а то и на время к нему переселяются. Так достигается постепенность расставания. Не спеша, долгие годы прощаются. А попы мёртвых в землю зарывают. Родственники тоскуют, покойник рвётся из могилы, тесно ему в гробу. От злости горб у него нарастает, во рту клыки, а на руках длинные когти. Прогрызает доски, ночами выходит к людям сосать кровь.

Попы мёртвых боятся. Чтобы не выбирались они из могил, запирают их как на ключ. Называют попы это колдовство “печатать могилу” – посыпают гробы землёй крестообразно, и мёртвые вечно мучаются.

Пошёл Василёк новый дом председателя смотреть. За огородами, в поле его построили. Не совсем, конечно, дом – больше холм напоминает, только пустой внутри.

Дверь прочная, дубовая и не запирается – каждый может войти. В земляные стены вделали нормальные окна со стёклами, мебель поставили: стол, стулья, лавку для сна, полки с посудой развесили, даже радиоприёмник, но, конечно, для виду, электричества в таком доме нет, шнур просто в стену воткнули. Председателю двустволку положили, патронов запас, ножи, капканы – всё, что охотнику после смерти пригодиться может. Печку почти как настоящую сделали. Рядом конюшню маленькую вырыли, только на одного коня, любимого. Подпол выкопали, туда положили пшеницы, картошки.

Покойник некоторое время живёт привычками человека, испытывает потребность в пище и питье, оружии. Только он использует не саму вещь конкретно, а как бы душу вещи. Если вещи не будет, он без ничего останется. Это как и с зеркалом, чтобы вещь отразилась, она должна быть по меньшей мере перед зеркалом – дедушка объяснил.

А старые люди говорят, покойник должен убедиться, что с ним добром поделились, иначе будет возвращаться, требовать свою долю. Дедушка считает, мудрость этого обычая в том, что раньше, когда голодные времена наступали, люди к умершим переселялись, у которых запас пищи и оружия имелся. Они родню свою кормили и согревали.

Коня привели. Упирался, не хотел в земляную конюшню идти. Насилу завели. Там один из сыновей деда Стёпана коня в сонную жилу ножиком кольнул, чтоб быстрее уснул. Дедушка рассказал, Василёк сам того не видел.

Как за полдень перевалило, толпой понесли деда Стёпана в новый дом, положили на лавку. Сели за стол, новоселье праздновать, как всегда шумно, с песнями, шутками. Солнце к закату клониться стало, засобирались. Только баба Анисья остаться захотела.

– У Стёпана поживу, чтобы ему скучно не было.

Низко всем поклонилась, за помощь благодарила, в гости приглашала.

Напоследок огляделся Василёк – светло, уютно. Смерть в таком гробу не страшная. Вышли, дверь снаружи камнем подпёрли, чтобы не скрипела. Баба Анисья через стекло рукой на прощание помахала.

Домой опять полем шли. Василёк задумался. По всему было видно, что дед Стёпан не передумает в покойниках оставаться. Что же с ним через неделю станет? Пахнуть ведь начнёт, подгнивать, а как же с ним бабе Анисье жить, кто из внуков навещать его захочет? Не выдержал, спросил.

– Тогда баба Анисья в сельмаг съездит, – сказал дедушка, – пачек десять соли там возьмёт. Деду Стёпану на животе надрез сделают – как операция аппендицита – и пачки с солью положат, чтобы он высыхал изнутри. Когда высохнет, самогонкой живот промоют, набьют его вишнёвыми, грушевыми опилками, сушеной малиной, шиповником. Из головы тоже лишнее вынут, положат туда смолу с фруктовых деревьев, и будет пахнуть дед Стёпан, как цветущий сад.

Накрапывать стало. Василёк опять про бабу Анисью подумал и забеспокоился. Земля-то материал непрочный, а что осенью будет, когда затяжные дожди пойдут, а весной – снег растает, просядет холм? Или всякий раз обновлять его будут?

– Нет, – сказал дедушка, – как сам собой завалится, так и похоронам конец. Значит, душа умершего навсегда от тела отделилась.

– Что такое душа? – спросил Василёк.

– Попробую объяснить, – дедушка задумался. – Вот, допустим, купили тебе шоколадку “Алёнушка”. Сама по себе обёртка, без содержимого, – фантик бумажный. Но без обёртки у тебя не “Алёнушка”, а неизвестная шоколадная плитка. Вместе же – плитка с обёрткой – называются “Алёнушкой”, и тогда душа этой “Алёнушки” – шоколад, что под оберткой.

Дедушка огляделся:

– Всё на свете имеет душу. Вот растёт пшеница. То, что ты глазами видишь, руками трогаешь и словом “пшеница” называешь, – это только обёртка, а под ней находится душа, которая делает пшеницу и растением, и словом, и просто зримой. Не будь в ней души, ты бы её и не увидел, притом даже не пшеницу, а вообще неизвестно что.

– А как же покойник? – удивился Василёк. – Он же без души? Почему его тогда видно?

– Обычный человек ночью спит, душа его по всему свету летает, и это не значит, что он умер, полностью без души остался или невидимым сделался. Покойник, он тоже первое время вроде как уснувший, только он смертные сны видит и в них всё ещё людскими привычками живёт. Когда покойник к новому состоянию привыкнет, осознает его, он мертвецом становится. Мертвец, он уже другой и живёт по своим мертвецким законам. Например, может различные формы принимать. Если зимой в дом влетит птица, говорят, это мертвец озяб и погреться хочет. Он и пчелой оборачивается, и мухой. Поэтому на кладбищах оставляют еду, чтобы мертвец перекусил.

– Эх, – вздохнул Василёк, – я часто мух убивал, значит, и мертвеца мог случайно прихлопнуть?

– Видишь, никого не следует просто так убивать. Но мертвец только в определённое время превращаться может, час после полудня и час после полночи. И ещё, муха или пчела, которая мертвец, свои особые приметы имеет, я тебе потом покажу. У них на брюшке особые ободки, крылышки по-другому, красным золотом блестят.

– Получается, у мертвеца тоже душа есть?

– Нет, мертвец – это жизнь в смерти, после души. Так дом, даже брошенный, остаётся человеческим жильём, потому что в нём когда-то жили люди. И мертвец одушевлён одним былым присутствием души, эхом её, пока оно окончательно не исчезнет, – мертвец тоже свой имеет срок. И труп.

Дедушка заметил вопросительный взгляд Василька.

– Труп – это когда даже мертвецкое эхо души улетучилось. Мертвее трупа ничего уже не бывает. Если мертвец ещё хранит следы умершей личности, как умолкший колокол некоторое время звон, то труп же – это окончательно мёртвый, точно резина, материал. И виден он, в сущности, недолго. За год-другой сгнивает до костей.

– А с костями что происходит?

– Прахом делаются. В городе мертвецов прахом называют, когда в крематории сжигают. Не дают человеку положенный срок в мертвецах пожить.

Непонятно Васильку, на что всё-таки душа похожа.

– Можно сказать, она – как пар. Умирает человек и холодеет. Вот борщ готовят, кастрюля дымит. Ведь не просто в ней вода кипит: то души из продуктов вылетают. Облако в небе – тоже чья-то душа. Говорят, за горизонтом, куда облака плывут, находится страна умерших. Те, кто верят в это, до заката хоронят, чтобы отходящее на покой солнце прихватило умершего с собой.

За полями уже дробно грохотало. На окраине неба вздулась голубой жилкой молния.

– Слышишь? – дедушка остановился. – Кузнечики притихли, значит, ливень скоро и до нас доберётся.

Горячий воздух медными волнами перекатывался в колосьях.

– Пойдём быстрее, – дедушка протянул Васильку руку, – авось сухими к бабушке успеем.

Василёк едва поспевал. Стараясь приноровиться к широким шагам деда, он почти бежал. Навалился ветер. Поле со всех сторон зашелестело.

– Слово “душа” неспроста с дыханием созвучно, – дедушка пригладил растрепавшиеся седые вихры. – Ветер – он тоже дыхание. Был в народе один старинный способ умершего послушать. Для этого его на сквозняке оставляли. Ветер заменял душу, и мертвец говорил, но если прекращался сквозняк, то замолкал, и уже навсегда. Поэтому, если хотели, чтобы мертвец всегда говорил, клали его, ещё не умершего, в особом доме на высокой горе, с четырьмя дверями. Двери всегда распахнутыми держали, чтобы ветер в доме гулял и мертвец сокровенное бормотал.

– О чём? – спросил Василёк.

– О настоящем Рае. Который в народе Ирием звался, пока его попы на свой лад не переиначили. Давно в наших краях был говорящий мертвец, дед Тригорий. Его многие слушать ходили, он больше семидесяти лет говорил. Все, кто дорогу к нему знали, в революцию или Гражданскую войну померли. И я бы не узнал, да найти посчастливилось. Мне лет тогда семь было. В лесу потерялся, блуждал полдня, аукал, потом к обрыву, аж туда, где река Устеня течёт, вышел. Там на обрыве дом его и стоял, небольшой такой, из осиновых брёвешек, вместо окон двери на все стороны света. Я голос как услышал – сначала обрадовался, потом что-то в нём насторожило меня: странный такой, и будто порывами, то тише, то громче, или вообще затихнет. И главное, собеседника не слышно – человек сам с собою говорит. Времена были суровые, четыре года как Гражданская-то закончилась, разный люд по лесам прятался: каторжники, недобитые белогвардейцы. А хуже их всех – попы-бегуны и старообрядцы. Не доведи на таких нарваться, жив не будешь. – Дедушка невесело усмехнулся. – Ну вот, прятался я так за деревом, не зная, чего бояться больше: одиночества или бормочущего голоса, потом смелости набрался, зашёл.

Василёк, слушая, шею от любопытства вывернул, пока на дедушку вверх смотрел.

– Стою на пороге, а дом – и не дом, четыре стены с дверями, старик лежит, волосы седые ветер шевелит, одежда истлевшая. Я испугался, а всё равно не убегаю. В лицо ему заглянул – глаз уже нет, рот неподвижный открыт, и из этого застывшего рта голос исходит. Я присел рядом, слушаю. И чудно: мертвец шепчет о чём-то, шепчет, пока ветер направление не поменяет. Тогда прежняя речь обрывается, хоть и на полуслове, и мертвец другую историю рассказывать начинает.

– И всё о Рае?

– Да, – вздохнул. – Я тогда мал ещё был, не всё понял, да и забылось многое. Я когда во второй раз пришёл, кто-то все двери в доме позакрывал, думаю, поп-бродяга. От говорящего старика один труп остался.

Васильку тоже взгрустнулось; вдруг вспомнил, что главного не услышал.

– Так что он тебе рассказывал?

– Рай – это зима, весна, лето и осень, – будто посветлел дедушка. – Каждое время года – бесконечно, и живёшь, в каком захочешь. Нравится тебе зима – кругом пушистый снег, лёд на реке, и не будет у этой зимы границ и пределов. Надоели холода – сразу выйдешь на границу с весной. Будешь идти из весны в весну, из марта в май. А захочешь прохлады и грусти – выйдешь сразу в осень. А кому нравится, может жить в вечном лете. И вокруг леса, поля, и все без края!

Василёк почувствовал на лице первые дождевые капли, большие, тёплые. Вот уже и Свидловка показалась, дом виден дедушкин – успели, только чуть ливень головы намочил.

За три месяца в деревне отвыкает Василёк от города. Настолько, что первую неделю трудно ему там жить. Думать иначе надо. И не сболтнуть бы лишнего – чего доброго взрослые на смех поднимут. Потом опять втягивается в городскую жизнь, а когда снова приезжает на каникулы, кругом сюрпризы да загадки.

Вот позапрошлым летом случай был, в соседнем дворе ребёнок родился. Прошло несколько дней, и унесли люди его к реке. Василёк за взрослыми увязался.

Шли с песнями. Весело было. Стали подле обрыва вокруг матери с младенцем хоро- воды водить. Потом расступились со словами: “Вода-водица, красная девица, течёшь-омываешь зелёны бережочки, жёлты песочки, пенья и коренья, белые камения...” А мать за ножку младенца раскрутила и в реку бросила.

Василёк зажмурился. Только всплеск тихий услышал. А когда глаза раскрыл, никого над обрывом уже не было – все разошлись. Только он с дедом и остался.

Расплакался. Страшно – понятное дело.

Дедушка лукаво так взглянул, поленце какое-то подобрал и с обрыва подальше закинул. Спрашивает:

– Жалко тебе полено?

– Нет, – отвечал Василёк, – чего его жалеть? Оно же не человек!

– Вот, – сказал дед, – правильно. И то не ребёнок был. Не человек по природе своей, хоть и из бабьей утробы. Вылезть-то вылез, а не наш, чужой. Такие в народе рекой зовутся. Поэтому мы его реке и вернули!

Василёк первым делом спросил:

– Так что, ребёнок не утонул?

– Нет, конечно, – успокоил дед. – Разве вода может утонуть? Сам подумай хорошенько! Ох, не думается. Жуткая картина стоит перед глазами.

Дедушка опять выручил:

– Помнишь сказку Пушкина о царе Салтане?

Разумеется, Василёк помнил. С мамой читали. Только там по-другому было.

– Конечно, по-другому, – пояснил дедушка, – ведь про злых людей сказано. А что ты видел, то добрый поступок был. Сказка – ложь, да в ней намёк.

Василёк дальше уточнил:

– Это плохо быть таким ребёнком?

Дедушка головой покачал:

– Ему с людьми плохо будет! И людям с ним. Река же, наоборот, порадует – родное ей вернули. И всем хорошо.

– Непонятно тогда, – не унимался Василёк, – почему он в нормальной семье родился?

– Мало ли, – задумался дедушка. – Купалась баба без заговора, волна между ног затекла. –

Вдруг улыбнулся хитро. – Маленький ты ещё. Подрастёшь – больше узнаешь.

– А я не “река”? – спросил ещё Василёк на всякий случай.

Дедушка засмеялся:

– Нет, ты нормальный, человеческий.

Первую неделю в деревне всегда так. Кажется, что всё с подковыркой, с тайным смыслом, как в басне Крылова про стрекозу и муравья. Василёк свыкся, что вначале ничего не понятно, а потом объяснят – и яснее ясного делается.

Дедушка про детей многое рассказал. Василёк уже знает, мертворождённых и тех, кого раньше срока утроба выкинула, хоронят в дуплах деревьев. Они становятся малиновками, соловьями и поют другие, не птичьи песни. А белый лебедь с одним чёрным пёрышком в хвосте – младенец, которого попы крестили и в лохани своей захлебнули.

Священники, те, которые столетия назад в чашу свою злость от людей унесли, крестят в лесных озёрах. Если утонет у них младенец, то не умирает, а в мостря перерождается. Разбухает до размеров крупного сома, кожа синее, берётся рыбьей слизью, вырастает у него полный рот острых, прозрачных, как стекло, зубов. Если завёлся такой, выест в озере всю живность, у деревьев корни подьест. Останется только гнилой омут, и мостря голодный один плавает.

Такое озеро всегда заметно. Вода в нём чёрная, ничего не растёт, и вокруг туман стелется тухлый. Но это, когда озеро совсем пропало, а если мостря только обживает, – сразу не видно, и гибнет из-за того много людей и животных. Решит путник в лесной воде ополоснуться, мостря подстережёт его, на дно утянет и загрызёт. Он сильный, и лося одолеть может, и медведя. Укусы его почти не заживают. Кто с ним повстречался, у того до смерти раны от мостревых зубов гноятся. Изведёшь одного мостря, новый появится. Раньше много их было, а как советская власть пришла и лесных попов разогнала, так мострей со временем и не стало.

Как на последнего мостря охотились, дедушка рассказал. Он тогда чуть постарше теперешнего Василька был. Отец и дед его с собой на охоту взяли, чтоб мужать начинал, ума и сноровки набирался. Всей деревней ходили, топоры взяли, багры, ружья. Ещё до озера не дошли, а тухлость в ноздри полезла. В засаде укрылись, а приманку – шкуры вместе сшитые, набитые рыбьей требухой, – на прочной верёвке закинули, поплескали возле берега, чтобы мостря услышал.

Всплыл он, башкой синей, лысой ворочает, приговаривает: “Буда, буда, буда”. Страшный, щекастый, глаза белые, вспученные, пасть раскрыл, в шкуру зубами вцепился, тут его на берег и вытянули, давай по нему из ружей палить, баграми на части рвать. Мостря завыл, и, что жутко, совсем как младенец, только намного громче. Челюсти разжал, отпустил шкуру. Багор, что за бок его удерживал, пополам перекусил, и к воде, весь окровавленный, пополз. Упустишь – и всё, на дно уйдёт, в ил зароеется, и ищи его потом. Крюком, было, мостря зацепили. Шкура под железом рвётся, а он дальше к воде ползёт. Сколько зарядов из ружей по нему выпустили – почти без толку. У мостря тело, как тесто, вязкое. Дробь, пули вреда особого не причиняют. Стреляли жаканами, которыми медведя свалить можно. И они не помогали. Воеет мостря, кровью из ран прыскает, а живёт. По счастью, была у деда старинная пищаль. Ею редко пользовались, к ней пули отливались такого большого калибра, что при выстреле в руках никто удержать её не мог – будто пушка. Из этой пищали в мостря выстрелили, весь жирный синий затылок ему своротили. Дед подбежал и топором голову мостря отрубил. Тот всё равно успел,

пока издох, деда за ногу грызнуть, потом её ампутировать пришлось, и дед помер быстро. А мостря на костре сожгли.

Злыдни в лесу вместе с попами появились. Где ни поселятся, лес умирает. И леший уйдёт из него, и русалки переведутся. Будто выгоревшие, чёрные деревья стоят, а среди них скиты. А те, кого попы нечистью называют, не нечисть вовсе, а добрые помощники, волшебные предки наши. Оклеветали их. И русалок, и леших, и бабу Ягу. Старухой с костяной ногой её лживые попы назвали. На самом деле она и не старая вовсе, а молодая и красивая. Заботливая, сестрица, душа леса. Церкви поповские на курьих лапах стоят, а у неё изба светлая, гостям открытая.

Даже домового не пожалели, сделали из него злобного беса. А какой же он бес? Дедушка рассказывал: вот люди на новое место переезжают, дом строят. И это новопостроенное жильё только тогда будет прочно, когда умрёт в нём глава семьи. Он и становится домовым, за хозяйством следит, оберегает родню и живность всю от болезней.

Василёк ночью проснулся, на двор вышел, видит – рядом с домом будто пятилетний ребёнок. Думал, соседский малыш к ним во двор забрёл. Почему только ночью? Окликнул его Василёк, ребёнок оглянулся, а у него лицо сморщенное, старое, и шмыгнул, как крыса, в подпол. Василёк испугался, с криком домой побежал. Бабушка его успокаивала, мол, спросонья померещилось. А дедушка наоборот сказал – добрый знак, раз домовый тебе показался, за своего, значит, признал. Василёк стал о домовом спрашивать, дедушка посоветовал с соседкой бабой Катей поговорить, она тоже когда-то домового видела.

У бабы Кати своих внуков нет. Она всегда рада Васильку. Он к ней в гости заходит – она улыбается, а в остальное время грустная ходит. Одна-одинёшенька живёт, мужа похоронила, единственный её сын давно, ребёнком ещё, умер. Она до сих пор по нему тоскует.

В комнате у неё не совсем обычно. Окна убраны высохшими колосьями. На стенах полки с игрушками, глиняными зверьками. На столе в венке из еловых веток фотография сына и рядом блюдце с конфетами.

Баба Катя Васильку про домового рассказала:

– Я, когда тяжёлая моим Ваней была, так плохо чувствовала себя, ночами почти не спала. Однажды вроде задремала, вдруг слышу – кто-то пришёл. Наклонился надо мной и на живот давить начал. Я лежала окаменевшая, испугалась, а потом, сдуру, век себе не прощу, сказала поповское: “Господи, помилуй”, – давить перестало, услышала, как плюнул кто-то в злостях да исчез. – Баба Катя вздохнула. – Сынок у меня родился обвитый пуповиной, почти неживой. Выхаживала его, а он хворал, до десяти годов промучился, и я с ним. То домовый приходил, помочь хотел, из живота его вытравить, чтоб не рождался больной на свет. А я не послушалась, прогнала его, и он плюнул на меня – мучайся оставшийся век. Оттого и детей больше у нас не было.

Так и взрослеет Василёк, ума-разума набирается от разных людей. Узнал: бури и вихри происходят оттого, что кто-то утопился. Если спящего перевернуть головою туда, где были ноги, то душа не найдёт входа в тело и человек до смерти уснёт. Смерть – это старуха с ложкой, из глаз свет вычёрпывает, оттого он у покойника и меркнет, пока райский свет не загорится. В засуху надо выкопать из могилы труп алкоголика и утопить его в реке или болоте – тогда пойдёт дождь. Четырнадцатого марта хорошо влезть на крышу и весну звать. А лето ещё найти надо, оно в первой фиалке прячется.

Много и у дедушки Мокара наук. Особенно нравится Васильку в дедушкиной кузне. Как зайдёшь, сразу видишь напротив входа горн – деревянный сруб, поверху тёсаным камнем выложенный. В середине углубление – горнило, а сбоку от него медная труба, соединённая с мехами. Воздух из них подаётся по трубе к горящим углям в горниле, чем сильнее поток воздуха, тем жарче пламя. Эти мехи из трёх бычьих шкур сделаны. Старые уже. Поэтому у

дедушки за кузней электрический аппарат стоит, который воздух в трубу подаёт. Мехи больше для красоты остались.

Недаром в кузне металл оживает. Она ведь сама как живая, дышит кожаной грудью. И вещи в ней, точно на сказочных существ похожие. Наковальня – приземистый зверь с рогом и хвостом. На роге гнут металл, сваривают кольца. На хвосте делают прямоугольные заготовки. И ещё у каждой наковальни свой голос. У дедушкиной – звук высокий, чистый, и молоток при ударе пружинит со звоном. Будешь идти через поле, ещё кузни не видать, а голос наковальни слышен, как поющий колокол. И лапы у наковальни имеются. Намертво вцепились они в древесину широкого пня, корнями уходящего в землю. Лет триста назад или больше старое дерево спилили и вокруг пня кузню выстроили. А в бору за Свидловкой ещё сохранились следы древних рудников. Их провалищами называют. С незапамятных времён железо там добывали из болотной руды. Окрест стояли большие горны, только теперь они под землю ушли.

Рядом с наковальней – бочка, наполовину в землю зарытая, чтобы вода в ней всегда холодная была, разгорячённое железо студить. У стены – тиски, верстак, ящики с углём и сухим песком. Имеется кочерга, веник для очистки горна и чугунная ложка – запёкшийся угольный панцирь пробивать.

Из кузнечных инструментов самый главный – молоток-ручник: им мастер тонкую работу выполняет или показывает молотобойцу, куда бить. У ручника из ясеня рукоять. А вот боевые молоты – с метровыми буковыми рукоятями. У кувалды, она побольше молота будет, для самых тяжёлых ударов, рукоять из столетней рябины. Василёк кувалду приподнимает с трудом. Как такой размахнуться?

Дедушка натягивает налобную повязку, надевает полотняную куртку с длинными рукавами, поверх – фартук из толстой кожи, достаёт брезентовые рукавицы.

Чтобы разжечь горн, надо в горнило тонким слоем угля насыпать, сверху щёпок положить, смоченных керосином, поверх немного сухих дров, а потом снова угля. Воздух из трубы раскаляет горнило докрасна. Тогда можно к работе приступать.

Вообще-то в кузне попусту болтать не принято. Поэтому Василёк больше молчит и смотрит. Дедушка сам, если надо, всё объяснит и покажет.

– Каждой стали, Вася, нужен свой, только ей подходящий жар. Если он ниже ковочного, пойдут по металлу трещины, а если выше, то перегреется заготовка и разрушится.

Дедушка умеет по цвету определять температуру стали. Василёк любит наблюдать, как она, точно хамелеон, одевается в разные краски: от бледно-желтого до цвета яичного желтка, потом делается коричнево-красной, фиолетовой, синей. У цвета каления уже другие лепестки: коричневый, красный, тёмно-вишнёвый, вишнёво-красный, светло-вишнёвый, красный, оранжевый, жёлтый, лимонный и, наконец, белый, что как зимнее солнце.

А дедушка знай молотом машет и то ли напевает, то ли тайные слова пришептывает. Потом достанет из подвешенного к потолку холщового мешочка высохший папоротниковый лист и на светящуюся изнутри поковку бросит. Лист сгорит за мгновение, потом глядишь – на лезвии ножа рисунок такой же, как и на том листке был – прожилки, сплетения под металлической кожей.

– Дедушка, расскажи, как у тебя так получилось? – не выдерживает Василёк.

Дедушка только улыбается, брызгает на угли водой. Это чтоб сверху образовалась корочка, удерживающая внутри жар. Дедушка Мокар – единомукий кузнец. Потому что работает без помощников. Когда Вася подрастёт и для работы молотобойца сил наберёт, тогда дедушка двуруким кузнецом станет.

Но нож или топор мало выковать. Его ещё наточить надо. Для этого имеется точильный круг. Если понимать, он сам тебе поведает, на что сталь пригодна. Летят из-под точильного круга разноцветный бенгальский салют. Возле дедушки лежат инструменты, приготовленные к заточке. Посыпались во все стороны тонкие веточки оранжево-красных искр с обильными

звёздочками – дедушка доволен. Хорошая сталь. Вот белый сноп искр – из такого материала лучше гвозди делать.

Дедушка работает, но и про Василька не забывает. Знает же, как тому интересно.

– С умом наточенный инструмент и служит долго. Края и середина лезвия должны иметь различные углы заточки с ровным переходом. Сначала топор на механическом точиле обрабатывают. Круг должен вращаться навстречу топору, так заостряется лучше, а сам камень смачивают машинным маслом. Чтобы сталь не перегрелась, топор обмакивают в воду. Как только капли на кончике лезвия закипели – пора охладить.

После механического точила начинается правка на плоском, с мелкими зёрнами, бруске или доске, обтянутой кожей. Василёк во все глаза смотрит, в оба уха дедушку слушает, слово пропустить боится.

– Брусок тоже надо водой промыть, тогда он хорошо стачивает металл, а потом топор полируют до блеска войлочным кругом.

Непростая оказалась наука – точить. Василёк уже пробовал, да сперва не очень удачно вышло. Зазевался и лезвие на камне пережёт. Пришлось дедушке ту покалеченную кромку полностью срезать и заново работу начинать. Очень Василёк расстраивался. Думал, больше не разрешат ему на точильном станке работать. Да только дедушка на Василька никогда не сердится, ну хоть бы раз отругал. И не наказывает никогда. Успокоил внука и ещё раз всё терпеливо разъяснил. Через месяц Василёк приловчился ножи точить, но до дедушкиного мастерства, конечно, далеко. Есть в ближайшие годы чему поучиться.

Васильку уже известно, что для различных видов работы и заточка различная, и топоры. К примеру, тонко заострённое лезвие для дерева не подходит. Будет вязнуть, на сучках выкрашиваться.

Дедушка говорил:

– У меня, Вася, на фронте всегда два топора имелось. Первый – для брёвен, второй, с боевой заточкой – для фашиста.

Полезная вещь топор. Недаром остаётся он в русской армии. И в танковых частях нужен, и в пехоте, и в артиллерии. Частенько дедушка вспоминает, как топор его в смертельном бою выручал. Не одну вражескую каску разрубил.

Чтобы топор в работе не слетел, имеется клинышек. На топорище вырезается паз, потом надевается топор, а клинышек в паз молотком вбивается. Важная штука. Почти волшебная, так дедушка считает. Может, и шутит, да кто его поймёт, когда он серьёзно говорит.

– Клинышек из особого дерева делают. В нём характер топора, его дух заложен. Какой клинышек, такой и топор в работе будет. Раньше клинышки в медвежьей крови обмывали или в волчьей.

– А теперь, – спрашивает Василёк, – неужели, чтобы топор сделать, надо медведя убить?

Дедушка успокоил: у него остался ещё большой запас клинышков, из тех, что его отец делал, прадедушка Василька. Медведи с волками пускай поживут.

Из всех дедушкиных наук труднее всего Васильку охорон даётся. Древняя солдатская наука. И к столярному делу у Василька талант есть, и к кузнечному, а к охорону нет. Досадно, хоть плачь. Всё потому, что суть премудрости этой на пальцах не покажешь, на бумаге не нарисуешь и словами не объяснишь: “Охорон, Васька, только внутри себя понять можно”.

А с чего всё началось. Не поделил что-то Василёк с деревенским приятелем. С синяком под глазом домой пришёл жаловаться, но выяснилось, что дедушка Мокар ябед и плакс не любит. Стыдно в восемь-то лет плакать. А чтобы синяки впредь не набивали, обещал про охорон рассказать.

– Охорон – состояние ума, когда время в нём как холодец стынет, медленным становится. В драке тогда противник вроде как руками медленнее машет, а если и попадает, то удары не болезненные. Что – кулак, даже летящую пулю можно увидеть, как в замедленном кино, и от

пули этой уклониться, а если и не успеешь, то она всё равно в этом временном холодце увязнет и не причинит вреда. Разве только одежду порвёт. Время только в голове и в теле человека костенеет, а одежда – она уже не человек.

Это Васильку понятно. Однажды на шкаф полез и ненароком вазу спихнул. Сам видел, как она с полки свалилась и, точно к невидимой пружинке прикреплённая, по воздуху долгую секунду планировала, а потом вдруг с нормальной скоростью вниз полетела.

– В нашем роду, Вася, все охороном владели. Прапрадеда твоего турецкий свинец не брал. Мой отец в Первую мировую отвоевал невредимый. Помнишь, я тебе про медаль “За боевые заслуги” рассказывал? Для меня заслуга моя была, что я в том бою охорон ощутил. Было это в августе сорок первого. Довелось нашему взводу отступление полка на новый рубеж прикрывать. Дали для храбрости спирту по сто граммов на брата и оставили. Вот попёрли на нас и танки, и пехота. Как раз в том месте, где мой пулемётный расчёт оборону занял, около сотни автоматчиков на прорыв пошли. Пули по щитку пулемётному, как градины, стучат, вокруг окопа гранаты рвутся. Напарника моего убило, а во мне не то что страху, вообще чувств никаких. Даже на немцев этих не злюсь, что убить меня хотят, только стреляю по ним, и весело мне от этого. И всё ближе они, лица отчётливо видать. Вдруг замечаю: пули по щитку вроде как медленнее стучать начали, редко так. Граната возле меня упала. И с ней тишина наступила, ни шороха. Сейчас разорвётся – и конец мне, а она всё целёхонькая лежит. Гляжу, по корпусу её вдруг медленно красноватые прожилки побежали и она как бы раскалывается начала, а я понимаю, что это взрыв, точно птенец из гранаты вылупляется. Вот развалилась граната на осколки, и струйки дымные в облачко собрались. Разрослось оно, меня окутало и точно на руках над окопом приподнимать стало. Я в пулемёт вцепился, не отпускаю – во мне без малого шесть пудов, пулемёт станковый, тоже не лёгенький, – а облаку этому нипочём, взлетаем над окопом всё выше. Думаю, быть такого не может, сплю я, наверное, и весь этот бой мне снится. Вдруг меня словно подушкой изнутри ударили. Потом шумовой вихрь как закрутит, швырнёт об землю. Слышу, звуки боя вернулись, только не в полную силу, а словно размазанные, и голоса такие, точно кто-то шутики ради на патефонную пластинку палец положил. Надо бы в окоп срочно заползти, пока не зацепило. А где же он, окоп-то? Выходит, меня с пулемётом взрывной волной из него выбросило. И что интересно: и человек, и оружие – оба целы. Продолжаем свою боевую службу выполнять. Танк ствол направил. Вот-вот накроет снарядом. Я быстрее пулемёт в сторону поволок, оглянулся, а снаряд уже догоняет! Разорвался в полуметре. Словно бык меня рогами в воздух подбросил. И снова я выжил. Переполз к товарищу убитому, снял с его пояса бутылку с зажигательной смесью, метнул. И будто это не я делаю, и попадать мне совершенно не обязательно, просто хорошо от мысли, что и бутылка, и танк, и я сам в одно событие складываемся. Вспыхнул танк. Смотрю, а немцев-то уже не сотня. Какая-то жалкая дюжина отступает, по всему полю восемь смрадных костров чадят – танки подбитые. Удержали рубеж. Только весь взвод наш полёт. Я один в живых остался.

Странно Васильку. А почему тогда прапрадедушку мошть грызнул? И почему самого дедушку Мокара ранило? Не помогла боевая наука, не подействовала?

– Насчёт деда не знаю. А со мной вот что произошло. Сначала охорон хорошо ощущался, потому что непривычный был, кисельный, замедленный. А когда я с ним освоился, то замечать перестал. В атаку шли, мне вдруг подумалось: быть такого не может, чтобы пули не брали, убьют меня сейчас. В тот же момент меня и ранило. Так что, Вася, запомни: если в бою дрогнет характер, считай – всё, конец тебе.

Дедушка по опыту знает: про охорон понять стрельба из ружья помогает. Специально, чтоб Васильку поучить, дедушка мелкокалиберную винтовку взял. Патроны к ней маленькие, точно игрушечные, отдача от них небольшая. Дедушка сам винтовку эту любит: если пушного зверя из неё бить, то шкура не портится.

– Когда целишься, Васька, постарайся представить: ружьё держишь и на спусковой крючок нажимаешь ты, а стреляешь – не ты. Сам себе рассуждением помогай: я, мол, человек, а не оружие, пуля из ствола, а не изо рта вылетает. Но ведь и ружьё не само выстреливает. Кто-то же нажимает на спусковой крючок? А если этот кто-то – не ты, значит, есть второй. Вот он-то и стреляет. Этот второй – тоже ты, но в отличие от тебя он промаха не боится и не старается в цель попасть, потому что и так наверняка попадёт. Для него главное – лишь бы пострелять. Только не мешай ему.

– А что делать, чтобы не помешать?

– Попробуй про Ирий думать.

Всё равно непонятно Васильку, откуда этот второй стрелок берётся.

– Из чувства берётся, из души.

– Он вроде как я, только ненастоящий? – уточняет Василёк.

– По правде говоря, это ты – ненастоящий он, и только оружие вас на время объединяет. Но если у тебя с ним подружиться получится, то тогда ты знатно стрелять станешь. И не только стрелять. Он со всем обращаться лучше тебя умеет. И с топором, и с ножом.

Дедушка Мокар Васильку уже один ножик подарил. Рукоять из берёзы – ухватистое полукруглое брюшко, как у рыбы. Прямой обушок, лезвие в длину – ладонь и два пальца. Затачивают его либо клином, либо по-сабельному – клин с подводом.

Делается такой нож триплетным способом, с боков сталь помягче, посередине твёрдая. Наточить легко и острота долго держится. Охотничий нож – он без перекрестья, без упора. Поэтому дедушка говорит – если неумело бить, рука на клинок съедет и сам себя поранишь. Нож охотника – не для городской неумелой драки.

Василёк попросил дедушку поучить ножик в цель бросать.

Тот головой покачал:

– Нож меташь – без оружия себя оставляешь. Ладно, если один противник, а что против трёх делать будешь?

Но объяснил потом:

– В этом деле правильный хват важен. Для дальнего броска нож берут за рукоять остриём к себе. Если противник в метре, хватай за клинок. Бросай, да не захлёстывай кистью.

Конечно, за одно лето про охорон не поймёшь, только вот что Василёк заметил. Когда с ребятами в лесу в войну играл, пришлось ему через колючий кустарник бежать. Уже домой пришёл, обратил внимание: одежда об колючки вся изорвалась, а на теле – ни царапины. Может, это он и есть, охорон-то?

За всеми премудростями и лето кончается, в город уезжать надо. Ну да ничего, четыре месяца быстро пролетят, а на Новый год – опять к дедушке.

Василька родители чуть раньше из школы на зимние каникулы отпросили. Уж очень ему хотелось до двадцать четвертого декабря на Коляду успеть. Отмечают Коляду в зимние Святки до Велесова дня, что шестого января. Василёк на самом празднике ещё не был, только от дедушки слышал, а теперь сам увидел и поучаствовал.

Наряжаются парни и девки в разные костюмы, маски, ходят по дворам и колядки поют, а взамен съестных подарков себе требуют. Василёк тоже со старшими ходил, но больше смотрел да слушал – слов-то колядочных не знает.

Колядки – обрядные песни из такой древности, что дух захватывает; когда ещё попов и в помине не было, а только Крышень, Вышень, ну и Коляда, конечно, и Велес, Живень, Сварог, Перун, Лада и многие другие. Всех разве запомнишь.

Слова в колядках витиеватые, волшебные, с добрыми пожеланиями блага и достатка. Десять дворов обошли, Василёк тоже стал тихонько подтягивать. Заработал бублик и ещё какого-то зверька из теста – вкусно. Потом домой, к дедушке, мертвецкие костры жечь.

В ночь на двадцать шестое солнцеворот начинается, возрождение к весне, потому мороз особенно лютый, такой, что некоторые мертвецы от холода в могильниках пробуждаются. Жгут люди во дворах костры, чтобы те, которые от зимнего сна очнулись, приходили и грелись. Ведь хороший мертвец живёт по законам природы: с теплом просыпается, а зимой спит, как медведь, если только мороз наружу не выгонит – добрый дедушка Мороз. И совсем не дедушка он, и уж, конечно, не добрый. И зовут его Мор, что на первом человеческом языке означает смерть.

А дедушка Мокар – другое дело. Он хороший, самый лучший. Как Василёк с колядок пришёл, стали огонь разводять. Хворост загодя приготовили – особый. Из леса, и только веточки, что сами попадали. Деревьями запрещается топить, особенно срубленными на поповских кладбищах. Они из останков выросли, в них живут души чьи-то, которым, сам того не желая, в костре ад, попами наговоренный, устраиваешь.

Василёк уже мертвецов не боится. Мертвец не страшен. Он ведь скорее не плоть, а образ. Ночью человеческому глазу почти не заметен, так, одна тень чёрная на снегу. Труп только видно, но мертвец его в могильнике оставляет.

Василёк спросил, подумав:

– Труп – это обёртка мертвеца?

– Вроде того, – согласился дедушка.

– А бывают живые трупы?

– В принципе труп – он мертвее мёртвого, но есть жидовские колдовства, написанные на бумажках, способные жизнь, которая нежизнь, в трупе пробуждать. Тогда он может делать всё, что живые делают, – есть, спать, говорить, убивать. Или просто лежать и трупные мысли думать. Чур нас, чур! – дедушка сделал непонятные движения руками, словно отгонял кого-то. – А мертвецы пускай греются.

Родителям или школьным друзьям Василёк уже давно перестал рассказывать о деревне. Если спрашивали, как каникулы провёл, отвечал скучными, ничего не значащими словами. Летом – в речке купался, загорал, по грибы-ягоды ходил, зимой – на коньках катался, в лесу на лыжах бегал. И отстанут с вопросами.

Всё чаще Василёк задумывается, где же он настоящий – тот, которого дедушка воспитывает, или городской, родительский. В таких мыслях не один год проходит. Василёк взрослеет, на каникулы исправно в деревню к дедушке приезжает.

И что интересно, разговоры вроде об одном и том же велись, но сложнее они сделались, глубже. И сказочное не то чтобы убавилось, а будто отгадкой или ключом к древним природным тайнам стало.

Василёк шестой класс закончил. Вымахал за минувший год! Почти с дедушку ростом. Не нравится, если его Васильком назовут. Теперь он Вася или Васька – по-взрослому. Но это родителям и бабушке переучиваться надо, а дедушка его всегда Васей называл.

Как приехал, первый день по гостям ходил, с соседями здоровался, новости узнавал. Баба Катя умерла, могильник деда Стёпана наконец обвалился, соседский приятель Ярослав руку сломал – много чего за полгода случилось.

На следующее утро в лес пошли. Василёк очень хотел посмотреть дом говорящего мертвеца Тригория, о котором дедушка рассказывал. И озеро, где шестьдесят лет назад мостря выловили, тоже увидеть интересно. Идти не близко, километров пятнадцать только в одну сторону. Поэтому встали засветло, бабушка еды в дорогу собрала. Дедушка свою двустволку взял – старая, довоенная. Подумал и достал из охотничьего сундука для Василька ружьё. Бабушка запротестовала, а он ответил: “Пусть привыкает. Мужчина должен свою ношу знать и не замечать её в пути”, – и Васильку протянул.

Сундук этот Василёк хорошо помнил. Огромный, дубовый, светлым железом окованный. Там много различного охотничьего добра лежало. Одноствольные, двуствольные ружья, старые, новые. На дне та самая пищаль, из которой мострю голову разбили – семейная релик-

вия. Ствол у неё необычный, с затейливыми узорами, проступающими будто из самой глубины металла, – дамаск. Он прочнее любого железа. И пицаль эта, несмотря на трёхсотлетний возраст, если понадобится, не только мостря башку на куски разнесёт. Ну и топоры, конечно, у дедушки имеются.

Рассвет в лесу застали. Через пару часов бледно-розовое солнце уже начало припекать. Дедушка шагал широко и неторопливо, успевал охватить взглядом каждое дерево и травинку. Иногда останавливался, срывал какой-нибудь стебель, либо широким изогнутым ножом осторожно срезал с дерева похожий на камень нарост и в мешок заплечный прятал – лекарства, а Васильку название говорил, но по-другому они звучали, не как в учебнике или справочнике.

Подошли к небольшому озеру – прозрачное, чистое. Сели отдохнуть и перекусить. Неподдалёку Василёк увидел след от давнего костра. Травы так и не решились границу чёрного круга переступить.

– На этом месте много лет назад, – дедушка сказал, – тушу того самого мостря сожгли. Земля до сих пор от скверны не оправилась. А вода в озере – ничего, ожила.

Дальше пошли. Лес загустел. Сумрачно в нём стало, и солнце почти не проглядывало сквозь плотно сомкнутые кроны. Потом донёсся шум спотыкающейся о камни воды, деревья расступились, и зелёное пространство будто рухнуло вниз. Внизу под обрывом текла река Устень.

Старик Тригорий, говорящий мертвец, в своё время негостеприимный себе облюбовал берег. Если с другой стороны реки посмотреть, покажется, что лес только чудом удерживается и в реку не падает. К реке не спуститься – почти отвесный склон, метров тридцать вышиной, кремниевый, прочный. Только если несколько километров вдоль пройти, обрыв сгладится и лес к реке сам подойдёт. А здесь и ветрено, и опасно, в непогоду особенно. На елях каждая иголочка от ветра что-то высвистывает, каждый лист на дереве трепыхается, гудит, как майский жук.

С домом Тригория за годы ничего не случилось. Он всё так же стоял на своём месте, невысокий квадратный сруб, в моховой шубе, похожий на малахитовую шкатулку. Лишь стена, выходящая на обрыв, от постоянных ветров оставалась голой. Все четыре двери были закрыты. Дедушка толкнул одну, вошёл. На земляной пол сразу намело листья.

Василёк ожидал, что будет пахнуть старой могилой. На удивление, запаха не было, впрочем, как и костей.

– В прах обратились, – объяснил дедушка, скидывая с плеча потёртый солдатский мешок на одной лямке. – Что принимаешься?

– Гнилью не пахнет, – пояснил Василёк.

– В таком доме запаха не держатся.

– Почему? – Василёк тоже скинул поклажу.

– А ты на потолок посмотри.

Василёк глянул вверх. Крыша не лежала плотно на стенах, а стояла на маленьких опорах-столбиках, образуя щели.

– Для чего это? – спросил Василёк. – Вентиляция?

– Нет. Говорильные дома всегда так строили. Верили, что душа через дверь не может войти, только через окно или такие лазейки.

– А если дождь? Вода в дом натечёт.

– Всё предусмотрено. У крыши длинные скаты.

– Дедушка, а почему звери Тригория не съели, когда он ещё говорил?

– К говорящему мертвецу зверь подойти не смеет.

Василёк поставил в угол ружьё и вдруг увидел окаменевшую кучку большой нужды. Прямо возле приклада. И присыпанные серой пылью бумажные комки, которые Василёк сначала за высохшие листья принял. Стало неприятно и обидно даже. Столько лет ждал встречи

с чудом, а тут кто-то неизвестный до тебя явился и ещё напакостил. Дедушке даже говорить о таком не хотелось.

Василёк поднялся, ногами пошаркал, вдруг что к подошвам пристало. Сдвинулся пласт древесной трухи – тетрадь! Под её прямоугольным трафаретом оказался ещё более древний слой пыли. Василёк отряхнул ветхие, покоробленные листы.

– Неужели сюда кто добаться сумел? – качая головой, дедушка подошёл, взял из рук Василька его находку, со всех сторон оглядел, перевернул несколько листиков. – Старая ещё. Лет двадцать здесь лежит.

– Откуда ты знаешь? – спросил Василёк. – А может, её недавно забыли.

– Тогда бы шариковой ручкой писали. А здесь мало того что чернилами, так ещё и стихами, – дедушка усмехнулся.

Василёк заглянул в тетрадку. По бумаге вниз сбегал узкий столбик, разбитый на кирпичики четверостиший. Записаны они были круглым, довольно отчётливым почерком без помарок, словно человек не сам сочинял, а аккуратно переписал из другой книги. После стихотворения шло несколько пустых страниц, остальные были с корнем выдраны.

Дедушка, орудуя тетрадкой, как совком, подцепил кучку и выбросил за дверь.

– Пойдём теперь, хворосту соберём. Неплохо бы костёр развести.

Снаружи по-разбойничьи посвистывал ветер. В лесу же стоял полный штиль. Василёк хотел наломать веток, но знал: дедушка всё равно не позволил бы живые растения калечить. И правильно. Через пару шагов нашёлся высохший кустарник. Василёк прутьев нарезал, подумал и шнурком их связал – чем не веник получился! А потом и для костра сгодится. В дом вернулся, подмёл. Чтобы ничего от случайного гостя не осталось, тщательно обтёр пол мхом и пучками травы. После такой уборки выяснилось, что пол в доме не земляной, как Василёк вначале подумал, а деревянный. Землю много лет назад люди нанесли, которые Тригория слушать приходили.

– Вася! – дедушка вдруг позвал. – Иди-ка сюда!

Василёк отложил веник, побежал на зов. Дедушка стоял на краю неглубокого овражка. Внизу лежал мумифицированный остов в остатках брезентовой штормовки. Сквозь ткань проглядывало, будто деревянный коготь, чёрное остриё корня. На лице кожа напоминала дубовую кору, рот был широко открыт, как для зубного осмотра. Глаза усохли до камешков, но взгляд – пристальный, дикий – почему-то остался. Рядом валялись истлевший рюкзак и ружьё.

– Видимо, ночью шёл. Оврага не заметил, упал да на корень напоролся. – Дедушка легко сбежал вниз, Василёк следом за ним. – Мучался перед смертью: весь перекрученный. – Дедушка пошевелил мумию носком кирзового сапога и поднял ружьё. – Послевоенная “тулка”. – Оглядел стволы, покрытые рыжим бархатом ржавчины. – Видишь, они не спаяны между собой, а скреплены муфтами. Правый ствол со сверловкой – цилиндр, левый – чок. Ложа полупистолетная, из бука. Такие до пятьдесят шестого года производили...

Он попытался вынуть патроны. Ружьё треснуло в руках, как сломавшаяся ветка. Картонные гильзы давно размокли и сгнили. Из стволов выпали только латунные капсюли. Дедушка подобрал один, осмотрел.

– В воздух стрелял, надеялся, что на помощь придут. Только кто здесь услышит. А если и услышит – добаться сюда сложно. Да. Отомстилось ему за говно.

Выбрались наверх. Дедушка костёр развел за домом. Поставили котелок с кашей.

– Вечереет, – дедушка на небо посмотрел, – назад не пойдём сегодня, здесь заночуем.

Василёк никогда ещё в лесу не ночевал. Интересно. На огонь смотрел. Палочкой кашу помешивал, потом угли ворошил. Тетрадь было раскрыл – скучно показалось. Хотел в огонь бросить, да дедушка попросил вслух ему почитать.

Василёк начал откуда-то с середины.

На волосок от смерти всяк
Идущий дальше. Эти группы
Последний отделяет шаг
От царства угля – царства трупа.

Прощаясь, смотрит рудокоп
На солнце, как огнепоклонник.
В ближайший миг на этот скоп
Пахнёт руда, дохнёт покойник.

И ночь обступит. Этот лёд
Её тоски неопишем!
Так страшен, может быть, отлёт
Души с последним поцелуем.

Василёк бросил читать. На всякий случай спросил:

– Про мертвеца стих?

– А ты сам подумай, – ответил дедушка.

Из котелка на прогоревшие угли плеснуло выкипевшей водой, они тихо зашипели, вспыхнули красными бусинками. Дедушка положил тетрадь на угли. Бумага быстро покрылась коричневыми пятнами, языки пламени проткнули её насквозь, разбежались, охватывая со всех сторон. Костёр снова ожил.

– Там про труп написано было, – сказал, наконец, дедушка. – Человек, который приходил, знал о своей смерти и потому завещание по себе оставил: говно и трупные стихи.

Стемнело, тучи набежали, дождь мелкий стал накрапывать. Решили в доме Тригория на ночлег устроиться – всё не под открытым небом. Веток на пол постелили, чтоб не жёстко лежать было. Разговор прежний, от самого костра тянулся.

– Ты суть души не совсем верно понимаешь, – говорил Васильку дедушка.

– Почему? Ты сам так объяснял. В мертвеце остатки души сохранились. Сама душа уже в Раю. Я так думаю: она после смерти вроде улья, который на другую пасеку, то есть в Рай, перенесли. А в мертвеце как бы одна пчёлка-душа задержалась, а потом всё равно со своим ульем соединилась. А в трупе совсем души нет, потому он и труп.

– Это я тебя всякими сравнениями с толку сбил, – дедушка ненадолго задумался. – Душа, Вася, не разделяется. Если быть более точным, в мертвеце как бы одно из её отражений – может, так тебе проще понять.

По молчанию Василька было ясно, что не проще.

– Представь, – сказал дедушка, – я стою перед зеркалом и думаю: “Меня зовут Мокар”. Если в этот момент спросить, что я вижу, то я отвечу с полной уверенностью: “Себя”. То есть и моё отражение вместе со мной вроде как подумало: “Меня зовут Мокар, я вижу себя”, – и оно действительно – я. Ведь не кто-то другой, а именно я смотрю и думаю. Живой человек, а потом мертвец, – это как бы два зеркала, находящихся одно в другом, дающие возможность душе увидеть себя. Просто, когда она на себя насмотрится и уходит, то её исчезнувшее отражение в человеке ещё какой-то миг отражается в мертвеце.

– А мертвец это осознаёт, что в нём только отражение, а настоящая душа уже давно в Раю?

– Нет. В мертвеце-то не душа, а отражение её, которое не осознаёт себя отдельно от души. Просто оно превращает на время смерть мертвеца в его посмертную жизнь. Думает вообще только душа. Когда уже в мертвеце нечему отражаться, он с той секунды – безмысленный труп.

– Но ты же сам говорил, что, когда ты смотришь в зеркало, отражение тоже как бы себя осознаёт вместе с тобой.

– Верно, говорил, – согласился дедушка.

– Тогда я не понимаю. Я – отражение души. Она осознаёт себя во мне.

– Наоборот, ты благодаря душе себя осознаёшь. Ей-то осознавать себя не нужно. Она всё про себя знает.

– И о Рае тоже знает?

– Разумеется.

– Почему тогда человек, который отражение этой души, ничего о Рае и не знает?

– Потому что отражение не может ничего знать. Оно же всего лишь отражение.

– Ты меня нарочно путаешь, – Василёк даже злиться начал. – Вот я стою перед зеркалом и думаю не: “Меня зовут Вася”, – а, допустим: “Я всё знаю про Рай”. Значит, и моё отражение подумало, что оно всё знает про Рай. И если душа вдруг подумает про Рай или о чём-нибудь сокровенном, я тоже об этом всё пойму.

– Если ты перед зеркалом скажешь: “Я думаю сейчас обо всём”, – отразится не это неисчислимое “всё”, а только Вася, который делает вид, что обо всём подумал. Поэтому, если душа подумает про Рай, то отразится только душа, думающая про Рай, а не сама картина Рая. И второе, если душа всерьёз о чём-то подумала, кроме своего отражения, это означает, что до зеркала ей никакого дела нет. Отражение перестанет существовать, и спрашивать уже будет некому, как выглядит Рай и что о нём известно!

Странно было Васильку дедушку слушать. Темно, лица его не видно, одна неподвижная фигура, и речи странные – о душе, о Рае, будто не дедушка всё это время, а старик Тригорий с ним говорил.

– До твоего появления зеркало – обычный кусок стекла, покрытый с одной стороны амальгамой, incapable думать. Ты в него смотришь, появляется отражение, тоже incapable думать. Вместо него это делаешь ты и как бы из любви, – дедушка особо выделил это слово, – это своё отражение живым считаешь, собой называешь, потому что оно – действительно ты. И в этот момент ты думаешь исключительно о нём, иначе зачем к зеркалу подходил? Может, прыщик выдавить или, постарше станешь, побриться. Потом по делам пойдёшь. Так и душа: об ином вспомнит – и отражение исчезнет.

– Отчего душа решает, что хватит ей в зеркало смотреться и в Рай пора возвращаться?

Дедушка опять задумался.

– По-настоящему, Вася, душа никуда из Рая и не девается. Она там постоянно находится.

У Василька от непонимания голова кружилась.

– Но она знает, что с её уходом отражение умирает?

В дедушкином голосе слышалась ласковая насмешка:

– Как думаешь, почему тебя всякий раз такие мысли не преследуют, когда ты от зеркала отходишь, а? Потому что знаешь, что в тебе заложен бесконечный запас отражений!

– Ну, это пока не умру, – угрюмо сказал Василёк.

– Представь, что ты бессмертный.

– А вдруг зеркал не будет, – не сдавался Василёк.

– Даже если их не будет, повлияет ли это каким-нибудь образом на твою возможность отражаться в зеркалах?

Знал же Василёк, что дедушку не переспорить.

– Хорошо. Душа знает, что с её уходом отражение... исчезает?

– Конечно.

– И разве ей не становится его жалко?

– Кто оно такое, чтоб его жалеть! – Дедушка даже фыркнул. – Отражение!

– Как кто, это же я! – вскрикнул Василёк.

– “Я” – в первую очередь тот, который в зеркало посмотрел, а не тот, кто в нём отразился. С тобой настоящим, то есть с душой, ничегошеньки не произошло и произойти не может, пускай хоть все зеркала пропадут. И главного не забывай. – Дедушка лукаво помолчал. – На самом деле никаких зеркал нет. Это мы с тобой в начале разговора придумали, чтобы понятнее было. Не так всё просто.

Ночью Василёк проснулся. Показалось, дедушка во сне что-то говорил. Василёк начал вслушиваться. Слова оказались дождевым накрапом и ветром.

– Не спится, Вася? – спросил вдруг со своего места дедушка.

– Ходил кто-то возле дома, – соврал Василёк. – Я спросить хотел. Почему труп в овраге за столько лет не сгнил? И звери его не тронули?

Дедушка будто ждал этого вопроса.

– В тетради всё дело. Трупный стих вместо души слабую нежизнь в трупе поддерживал. Вот зверь и боялся, стороной его обходил. Я потому и сжёг тетрадь эту поганую сразу. Можешь пойти к овражку, думаю, там уже ничего не осталось.

Ночь только начинала светлеть, окутывая пространство молочной дымкой. Дождь прекратился. Земля, покрытая влажной листвой, скользила под сапогами. Василёк сделал несколько шагов и замер. Он не мог вспомнить, какая из дверей вела к обрыву, – всё застилал туман, – постоял минуту, прикидывая, не лучше ли вернуться в дом.

– Что, Вася, в Устени искупаться захотел? – Во всегдашней своей шутиливой манере сказал за спиной дедушка. Ветер на миг сделался тише, и Василёк услышал далёкий шум реки. – Овраг в другой стороне, где дверь на восток. А ты через северную вышел. Подождём, чуть развиднеется, и вместе овраг поищем. – Дедушка глянул на небо. – Скоро уже.

В лесу туман не висел сплошной стеной, а только стелился под ногами. Василёк осторожно ступал, боясь не заметить оврага и свалиться на корень.

Дедушка шёл, уверенно раздвигая руками ветки.

– Редко, чтобы те, кто сочиняют, хоть раз про труп не написали. А кто лучше напишет, того книжные умники духовным называют, потому что после смерти такой стих душу заменяет, и пока он существует на бумаге, труп им живёт. Это называется творческим бессмертием, но если точно говорить, это – несмертие, и не человека вовсе, а трупа. Почти от всех поэтов трупы остались, стихом одушевлённые. Они при жизни умереть боялись и наделали себе таких запасных душ, вроде электрических батареек, а сами того не знают, что они к ним уже никакого отношения не имеют. И что ещё опасно: человек, который помногу их стихи читает, мёртвой природы набирается и сам начинает жить трупным стихом. Тут самое страшное происходит.

– Это что?

– Однажды душа, та самая, что из Рая глядится, в отражении своём труп видит. Сам представь, подходишь ты к зеркалу, смотришь – и вместо привычного лица своего видишь сгнившую харю с клыками, и это – ты! Плохо, если душа отражения своего бояться начнёт, но ещё хуже, если поверит, что она и есть труп, и полюбит его в себе. Так появляется труп, настоящей душой одушевлённый. Правда, с того момента она уже не в Раю, а в другом месте.

– В аду?

– В чёрном ирие. Можно сказать, что это место – ад, но душа там не мучается, а на себя в трупе смотрится.

– И что же делать? – растерянно спросил Василёк.

– С душой уже ничего не сделаешь. Может, книги с трупными стихами сжигать, все до единой, – не знаю. Но в любом случае трупы надо гнать из яви.

– Откуда?

– Из мира живых. Мы с тобой, к примеру, в яви живём, а мертвецы – в нави. Она, навь эта, от яви ничем не отличается. Это как заходят два человека в одну и ту же комнату, для одного она – явь, для другого – навь. А эти одушевлённые трупы в яви поселяются. Зла от них много.

Дедушка остановился возле уходящего вниз склона:

– Смотри. Как я и говорил.

Василёк опустил взгляд. И действительно. Ещё вечером человеческий остов лежал, а теперь будто насквозь прогоревший пень – труха одна. Василёк радостно посмотрел на дедушку. Тот ответил внуку широкой белозубой улыбкой.

Глава II Льнов

1

Тряпка выписывала мыльные спирали на лобовом стекле чёрного “вранглера”. Мойщик окунул её в стоящее рядом пластмассовое ведёрко и, не выжимая, расплющил на стекле. Вода, смешавшись с мылом, быстро стекла вниз грязно-белыми соплями. Показалось лицо сидящего внутри машины человека.

Мойщик принялся судорожно промакивать серую пену выхваченным из кармана носовым платком. Осторожно глянул через открытую дверь джипа. Хозяин по-прежнему дремал, выставив на асфальт тяжёлую ногу в солдатском ботинке. Даже во сне его лицо сохраняло грозное выражение. Мойщик подумал, что в более гуманном мимическом варианте оно вполне могло бы принадлежать такому тридцатилетнему кандидату наук, бородачу-геологу, у костра исполняющему под гитару про “солнышко лесное”.

Громоздкий кулак покоился на руле. Костяшки указательного и среднего пальцев напомнили мойщику грецкие орехи. Только те, которые не стоит раскалывать, потому что они сами что угодно расколют.

Мыльная змейка вплотную подобралась к ботинку. Опустившись на корточки, мойщик вытер и её, чуть коснувшись подошвы.

– Ты мне ещё и обувь почистить собрался? – прозвучало сверху.

Мойщик вздрогнул, стукнулся затылком о дверцу, отполз.

– Почему бы и нет, вы у нас постоянный клиент, – натянуто засмеялся, – сервис!

Мужчина поднялся. Чёрные галифе подпоясывал советский армейский ремень со звездой на пряжке. На рукаве серого пуловера под надписью “*Bundeswehr*” раскинул символические, распоротые на ленты крылья чёрный орёл.

– Даю тебе ещё две минуты, – мужчина быстрым взглядом окинул работу. – А то нихрена чаевых не получишь. А по шее как раз получишь, – он улыбнулся.

Простенько, как будильник, в кармане галифе зазвонил мобильный. Мужчина выслушал, ограничившись коротким ответом: “Через полчаса”. И мобильник снова исчез в кармане.

– А отчего вы поприкольнее звонок не поставите? – спросил, набравшись смелости, мойщик. – Не “Турецкий марш”, конечно, а что-нибудь современное.

– Звонок в телефоне должен быть похож на звонок, а не на электронную шарманку. И ты много болтаешь.

Мойщик спохватился, прыснул из пластиковой бутылки моющим средством на стекло – от усердия оно тонко повизгивало под тряпкой, – через минуту отпрянул, проверяя его на прозрачность.

– Готово. Бриллиант.

Мужчина протянул мойщику несколько бумажек, сел в машину. Бронетанково рыкнул мотор. “Вранглер” выехал со стоянки и ловко пристроился к ряду ползущих, как по бесконечной ленте конвейера, автомобилей.

Мойщик проводил взглядом джип. Когда тот скрылся, махнул рукой парню, сидящему в будке на входе. Из небольших динамиков под крышей раздались пластиковые звуки “техно”. Хозяин чёрного “вранглера” предупреждал, что не терпит современной эстрады. При нём динамики исправно безмолвствовали.

Странный был клиент и тревожный. Стоянку облюбовал год назад. Для человека, чей вид сразу наводил на мысли о какой-нибудь жёсткой деятельности, он был относительно вежлив, оставлял приличные чаевые. Но всякий раз, когда джип покидал пределы стоянки, невольно хотелось осенить себя крестом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.